



Валерий
Туманов

**БЛАЖЕНСТВО
КРОТКИХ**

16+

Валерий Туманов

Блаженство кротких

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Туманов В. П.

Блаженство кротких / В. П. Туманов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-98339-7

Назначение начальником следственной группы Ерохин счёл случайностью. И не мог представить, куда зайдёт расследование десятка смертей без видимых причин, случившихся за год в Петербурге. И как с ним связаны экологические корпорации? А крушение самолёта миллиардера? А вакцинация после пандемии? А гробница фараона? А рождение Невы? Благими намерениями люди откроют сосуд Пандоры, а Ерохину будет уготовано спуститься на самое его дно, где добро и зло поменяются местами. Где видны мотивы людских поступков. И, волею судьбы, он окажется единственным, кто имеет шанс его закрыть.

ISBN 978-5-532-98339-7

© Туманов В. П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Знак Атона	6
1. Случайное происшествие	6
2. Лиссабон – Петербург. Частный самолёт корпорации «Сигма интернешнл»	8
3. Осмотр в сквере	11
4. Арабская Республика Египет, провинция Эль-Минья. Два месяцами ранее	15
5. Миоглобинурия	19
6. Чёрный ящик	23
7. Арабская Республика Египет, провинция Эль-Минья. (продолжение)	27
8. Пулковское дело	30
9. Планёрка	32
10. Нежданная встреча	33
11. День надежд	36
12. Дача в ближнем Подмосковье	38
13. Древний Египет. Ахетатон. 17 год правления Еретика. 1353 год до н.э.	40
14. Биофактории	42
15. Сто тринадцатое ОВД. Кировский район Ленинградской области	44
16. Всего один шлюз	45
17. Древний Египет. Ахетатон. 17 год правления Еретика. (продолжение)	47
18. Ночной звонок	49
19. Триумф и облом	51
20. Древний Египет. Столичный округ Уасет. Пятый год правления Еретика	54
21. Климов	56
22. Безумство	61
23. Гусельникова	65
24. Подпольный номер	67
25. Алина Евгеньевна	69
26. Шубин	71
27. Выгрести придётся самим	74
28. Ингрия	76
29. Двуглавый орёл	78
30. Надёжный источник	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Валерий Туманов

Блаженство кротких

Пролог

Конец света не задался.

Незатейливо проскочил год 1998 с печатью затмения и тремя числами зверя. За ним буднично проскользнул 1999, грозящий перевёрнутым обликом того же числа.

Нервно перешагнув миллениум, человечество распрощалось с детскими страхами. Пророчества майя и мрак монахов Шамбалы теперь не слишком бередили умы.

Год 2032 мало чем выделялся в размеренной цепочке лет. Однако, крылся в нем один малоизвестный юбилей – двадцать шесть тысяч лет победы человечества над давним врагом.

Тогда, двадцать шесть тысяч лет назад...

...карательный отряд не знал, что убогое пристанище, зажатое меж краем скалы, чередой болотных топей и непролазных лесов, было последней деревенькой диких людей.

Истекающий кровью защитник гонимого племени, скрежеща истёртыми зубами и оглашая звуки, напоминавшие воронье карканье, тяжело и долго объяснялся с толмачом, хоть как-то разбиравшим дикарский лепет. Вопрос о других поселениях дикарь оставил без ответа. Вместо этого, он, вскидывая безобразные звериные брови, и оголяя налитые кровью глаза, тыкал уцелевшей рукой в ночное небо, указывая на зависшую на севере звезду.

– Нас погубила звезда смерти. Она забрала наши силы. Насытившись, она надолго исчезнет. Но когда вернётся в другой раз, то отнимет ваши силы и выпьет вашу кровь. Вы сгинете в её брюхе. Так сказал ведун, что был убит этой ночью. Мы не держим на вас зла. Всеми виной звезда смерти. Вас она сожрёт позднее.

Толмач, долго слушавший неандертальца, быстро перевёл сказанное. Дикари и есть дикари. То, что на языке нормальных людей можно высказать десятком слов, размашистым неандертальским чирканьем изливалось полчаса. Толмач едва закончил, как в зависшей тишине раздался омерзительный хруст. Каменный топор вождя разнёс дикарский череп. Тот качнулся, не издав ни звука. Когда грохнувшая оземь туша выплеснула жижую кровавой плоти, ночной лес взорвался победным рёвом.

В эту ночь завершилась битва тысячелетий.

И на безудержном пиршестве у края скалы, где голодные зубы выдирали недожаренное мясо из обгорелых дурно пахнущих мослов, в треске углей, клубях едкого дыма и размашистых тенях пляшущего огня уже затаился новый враг человечества – невидимый и коварный, битва с которым продлится следующие двадцать шесть тысяч лет.

А сейчас, в неприметном 2032 году, с застывшего ночного небосклона, за суетно мельтешащим людским муравейником наблюдало бесстрастное око одинокой северной звезды, медленно и терпеливо набиравшей силу.

Наступала её эра.

Часть 1. Знак Атона

1. Случайное происшествие

Майор Ерохин выходил из себя. Нервно утопил гашетку автопилота. Стиснув зубы, ответил на запрос компьютера. Впереди, сонной вереницей ползла Выборгская набережная. Управлять машиной в пробке бессмысленно. Лучше расслабиться и отдохнуть.

Но какой тут, к чёрту отдых, если этот день имел шансы стать переломным в глухо завязшем расследовании. Он знал, что ребята уже подтягиваются к скверу. Знал, что отлично справятся и без него. Ведь в его группу, пусть и наспех сколоченную, подбирались лучшие из лучших опера и эксперты, профессионалы высочайшего класса.

Но он должен быть там с самого начала.

Потому что сегодня он впервые сработал, как настоящий начальник группы. Буквально выхватил этот труп, никак не назначавшийся его подразделению. Да ещё как успел.

Всего пару часов назад, распластанный на мощёной дорожке мертвец с перекошенным лицом, в заблёванной куртке и мокрых штанах, был обычным сорокапятилетним гражданином.

Обычным ли? Ерохин очень надеялся, что нет.

Меж тем время истекало, труп коченел, и задерживать осмотр он не мог. Мог только психовать и материться. И ехать то всего-ничего. Метров пятьсот по набережной до Гренадерского моста, где, видимо, и был затор, затем через мост и ещё столько же до уютного сквера, разбитого после сноса уродливого забора на углу улицы Чапаева и Казарменного переулка.

Солнце вспыхнуло и снова увязло в копнах июньских облаков. Колонна тронулась. Черепаший поток разогнался до двенадцати километров и стал слабеть, пока в очередной раз не сдох.

Усиливался битумный смрад. Ерохин поморщился, переключил климат-контроль на внутреннюю циркуляцию, ткнул кнопку приёмника.

Блин! Опять новости! И снова политика!

Он терпеть не мог политзанятий и международных новостей. В поисках чего-нибудь весёленького прокрутил пару каналов. Тщетно. Видимо час был такой, новостной. Палец застыл над кнопкой, когда из экстренной ленты, читаемой симпатичной девичьей (как определил себе Ерохин), ухо выхватило знакомые названия.

«Сегодня, на Юго-Западе Ленинградской области, после начала снижения, при заходе на посадку потерпел крушение самолёт частной авиакомпании, принадлежащий корпорации «Лотус интернешнл». Лайнер потерял управление и рухнул на территорию лесопосадок недалеко от населённого пункта Новая Ропша. По предварительным данным на борту находилось 7 человек, включая президента международной конгломерации «Лотус интернешнл» Олафа Вагнера. Все находившиеся на борту погибли. Самолёт совершал частный рейс из Лиссабона в Санкт-Петербург. Авиакатастрофа произошла в 12:54 по московскому времени. Элементы лайнера разбросаны по территории, радиусом более 3 км. По факту крушения заведено уголовное дело. Самолёт национального агентства безопасности авиаперевозок приземлился в аэропорту Пулково.

О ходе расследования мы будем сообщать в выпусках новостей.»

Ерохин задумался. В сжатом пространстве пробки ему вдруг почудился салон самолёта. Он представил мечущихся в беспомощности людей, грузного эгоиста-миллиардера (а каким ему ещё быть), истошно орущего, с выпученными глазами и в обделанных штанах.

Колонна проснулась, виденье улетучилось, а Ерохин сообразил, что оставшийся километр он давно прошёл бы пешком. И стал высматривать место, куда притулить машину, благо шёл в правой полосе.

Выбор небогат: бросить здесь, усугубив пробку, или взгромоздить на газон – нежно-зелёный и аккуратно стриженный. Поколебавшись, Ерохин крутнул руль и перемахнул через бордюр под редкие неодобрительные гудки. Смущённо отворачиваясь, он выскочил на набережную и затрусил вдоль бетонной ограды к мосту.

О машине Ерохин не беспокоился. Выделенный его группе автомобиль, кроме навороченной спецсвязи, сверхпрочных колёс с особой ячеистой резиной, и пуленепробиваемых стёкол из прозрачного алюминия (названия которого он не мог запомнить), обладал ещё и магическими госномера, отпугивающими эвакуаторы, как чеснок вампиров. По должности Ерохину полагался персональный автомобиль, но группа работала меньше месяца, а за служебными машинами в Управлении выстроилась очередь. Так что пару-тройку недель придётся подождать.

Мысленно вернувшись к дорожке сквера, Ерохин больше не вспоминал о трагической сводке. Катастрофа затёрлась в памяти, как множество других случайных событий.

2. Лиссабон – Петербург. Частный самолёт корпорации «Сигма интернешнл»

Полуденное солнце обогнуло лайнер и косо слепило, зеркалясь от глянцевого стола. Самолёт разворачивался, предвзято снижаясь.

Олаф Вагнер, как всегда собранный, поджарый, коротко стриженный, оживлённо беседовал, прижимая к щеке малтфон.

Вагнер изредка соглашался с собеседником кивками, затем усмехнулся.

– Нет, лечу я не за этим, совсем не за этим, – он сделал паузу, – Причина другая. И ты видимо догадываешься. Но это при встрече. – Он сдвинул шторку иллюминатора, разглядывая отдалённый пейзаж сквозь сетку облаков внизу. – Похоже подлетаем к Петербургу. Пока, моя пташка. Я скоро вернусь. – Он расплылся тёплой улыбкой, – Да. Ты для меня всегда будешь пташкой. Маленькой желторотой синичкой. Целую. Люблю.

Вагнер задумался, обводя пальцем квадратики черепашьего панциря эксклюзивного малтфона, исполненного в единственном экземпляре и стоившего больше, чем его автомобиль. На самом деле он вообще не имел цены, потому что это – подарок Линды.

Время текло нестерпимо медленно, но он не решился обсуждать по телефону мучивший его вопрос. Тень брошена на одного из самых близких ему людей. И от встречи с глазу-на-глаз, на которую он летел зависело слишком многое – дело всей его жизни.

И вопрос был не в бизнесе. Не в могущественной промышленной империи, построенной этим жестким хладнокровным норманом. В последние годы он, Олаф Вагнер вложил всего себя в дело, крайне важное для жизни этой небольшой планеты.

Где-то внутри зарождалось беспокойство, перераставшее в холодный парализующий страх.

Откуда это?

Вагнер сглотнул пересохшим горлом и посмотрел на стол: на недопитый стакан янтарного виски; на плоский и гибкий, как глянцевый журнал, планшет с детской фотографией смеющейся Линды; на старинное серебряное блюдо с инжиром и испанскими мандаринами.

Едва заметное шевеление в правой ладони обернулось судорожной болью, словно рука сжимала сработавший электрошокер. Обычный сигнал вызова. Но рука больно ударила о подлокотник, а вылетевший малтфон стукнулся в массивный квадратный стакан, перевернулся экраном вниз, и замер у серебряного блюда. Словно плоская черепашка пыталась спрятаться под столовый прибор.

Одолев тревогу, Вагнер поддел его мизинцем и уставился на экран.

Он! ... Что это? Совпадение или закономерность? – подумал Олаф и понял, что в любом случае это недобрый знак. Затем уверенно нажал кнопку и поднёс аппарат, услышав знакомый доброжелательный голос, – Олаф, дружище, я не могу с тобой связаться. Ты куда пропал?

Вагнер молчал.

Зачем он спрашивает? Проверяет? Ведь наверняка знает, где я нахожусь.

Он ещё немного помолчал, обдумывая, что ответить, или что спросить и произнёс глухим сдавленным голосом, – Ты?

– Я, – послышался невозмутимый ответ. Вагнер помешкал, раздумывая, затем спросил:

– Ты что-то хотел? У меня мало времени. Я перезвоню тебе позже.

Раздался лёгкий выдох усмешки, – Это вряд ли получится. Ты совершил непростительную ошибку, всемогущий Вагнер.

Вагнер молчал, ошарашенно глядя на свою руку, что на глазах бледнела, вычерчивая узор аристократических прожилок. Тон собеседника наполнялся тяжёлыми нотками. – Слушай

внимательно. Моё прошлое – это только **моё** прошлое. А ты заплатишься за самоуверенную дерзость. Прощай, Олаф. Мне искренне жаль.

Лавина бессильного ужаса пронеслась в сознании, сметая ещё теплившуюся надежду. Он понял всё. И хотел прокричать что-то сильное, важное, ранящее, оставляющее глубокий след, но наружу вырвался лишь бессвязный хрип, а из трубки послышался размеренный женский голос:

– В связи с начавшимся снижением, система безопасности произвела автоматическую блокировку всех спутниковых линий связи на борту. Приносим свои извинения. Разблокировка будет произведена автоматически, по завершению снижения.

Система безопасности, в разы превышающая уровень защиты всех известных авиалайнеров, специально разработанная для трёх эксклюзивных самолётов корпорации, сыграла с ним первую злую шутку. Вторая, роковая, произойдёт в ближайшие минуты.

Он уже понял, что катастрофа неизбежна, но пугало его даже не это. Хуже всего, что он не сможет сообщить Линде о том, кто виновен в случившемся. Он мучительно искал выход. И нашёл. Теперь главное – вспомнить. И главное – успеть. Вагнер дёрнул головой на противоположную сторону, где мирно дремал его секретарь, и заорал:

– Эдд! Срочно разыщи старшего стюарда!

Подхватившийся испуганный Эдд, вместо поиска стюарда вцепился в подлокотники и глупо моргал глазами. На крик примчался Янош, старший стюард, знавший Вагнера много лет и не слышавший ничего подобного.

– Мистер Олаф?

– У Вас есть доступ в кабину пилотов. Срочно войдите и громко произнесите...

Взволнованный стюард позволил себе перебить, – Да, мистер Олаф, но началось снижение, и теперь вход разрешён только при угрозе безопасности полёта.

– Сейчас и есть угроза, – злобно крикнул Вагнер, – Не смей перебивать. Входишь в кабину и чётко произносишь несколько раз, но не меньше трёх: Код двенадцать. Тритон. Объект номер семь. Ещё раз: Код двенадцать. Тритон. Объект номер семь. Ты понял? Повтори.

Янош, белый как полотно, произнёс дрожащим голосом, – Да. Но что это значит?

Теряя самообладание, Вагнер заорал, – Повтори-и!!

И он повторил слово в слово сбивающимся голосом.

– А теперь – выполнять!!

Янош метнулся по проходу, едва не сбив появившуюся на шум стюардессу. Открыв дверь электронным ключом, он неуверенно вошёл и стал позади пилотов.

– Руль высоты, – рыкнул второй пилот.

– Вижу. Не отключилось автопилотирование.

– Выключи принудительно.

Янош неуверенно произнёс, – Код двенадцать. Тритон. Объект номер семь.

– Что ты мелешь? – бросил второй пилот, – Не отключается.

– Этого не может быть, – сухо и уверенно произнёс капитан. В это время самолёт качнуло вправо.

– Вот чёрт. Блокировка руля высоты.

Янош, поняв что происходит нечто нештатное, но почему-то известное президенту корпорации, стал выкрикивать фразу, сказанную всемогущим Вагнером.

– Код двенадцать. Тритон. Объект номер семь! Код двенадцать. Тритон. Объект номер семь!

Пилоты косо переглянулись, и капитан спросил, – Он что спятил?

В это время самолёт дал резкий крен влево. Перебирая ногами, Янош ухватился за ручку двери кабины и выскочил в салон. Дверь захлопнулась, больно ударив плечо. Взору Яноша предстал Вагнер, прижавший к щеке малтфон, зацикленный в механическом повторе своей

безумной фразы. У окна трясся секретарь, белый как молоко, с широко открытым ртом и совиными глазами. Две стюардессы пристегнулись ремнями к боковым креслам вдоль прохода, как и положено по инструкции.

Тут самолёт стало валить на другой борт. Стюард зашагал к ближайшему креслу, но его движения становились неверными и плавными, будто во сне. Он почувствовал, как отрывается от пола и медленно парит в воздухе. Заторможенный разум не поспевал за меняющейся реальностью. Пол медленно становился боковой стеной, а хвостовая часть уходила вверх. Истошно закричала одна из стюардесс. Янош медленно поплыл к окну, в сторону обвисшего на ремне Эдда. Он почувствовал кислый запах блевоты, но в этот момент его подбросило вверх – в хвост, ставший куполом нового, искривлённого ужасом пространства.

3. Осмотр в сквере

– А зачем туда столько народу? Варёный и Тюрина уже на месте, и Ерохин туда едет, – прервал задумчивую тишину старший лейтенант Байкалов, единственный из троих, сидевший спиной к водителю служебного микроавтобуса.

Двое сослуживцев, – худощавый скуластый мужчина лет тридцати пяти и русоволосая дама со строгим хвостиком на затылке, медленно выплывали из собственных мыслей. Водитель заложил круг на эстакаду и сидящих склонило к двери.

– А? Ренат? – напомнил о себе Байкалов.

Капитан Хабибуллин, оставшийся за старшего, поднял глаза, – Ерохин похоже в пробке увяз. А мы рядом были. И дорога с севера пока свободна, – он сделал паузу, сдвинув брови, – А Тюрина? ...Ирочка? – капитан тяжело вздохнул, – Она же эксперт кабинетный, сам знаешь.

– Зато в лаборатории, как пчёлка жужжит, – вступилась за коллегу капитан Мурцева, – А материал систематизировать? Кто кроме неё? – она бросила взгляд в окно, помолчала, затем добавила, – Это ведь она нарыла эти трупы в ворохе всяков. Да еще как по полочкам разложила. Без её таблицы наш начальник может и не обосновал бы свою версию.

– Версию, возможно, и обосновал бы. Но без Ирочкиного материала, вряд ли бы её поддержал полковник. Списали бы всех поодиночке на естественные смерти. – Хабибуллин протяжно зевнул, прикрыв рот ладонью и встряхнул головой.

– Зато сейчас бы другие дела раскручивали. Реальные, – Байкалов сверкнул золотистой оправой очков, – А то сунули в стол полтора десятка всяков. А сами барахтаемся месяц, как мухи в компоте, – он досадливо махнул рукой, – Теперь вон, таким кагалом на труп бросаемся.

– Я стесняюсь спросить, – нарочито едким голосом вклинился грузноватый всклокоченный мужчина в кремовой рубахе, лет тридцати на вид, – Мы теперь что, свежие трупы осматриваем?

– А водителям слова не давали, – бросил за спину Байкалов.

– В следующий раз ты повезёшь, – огрызнулся лейтенант Степанченко.

– Не-не-не. Это чудо на колёсах – твоя епархия. Я не то, что за руль, входит сюда опасаясь. У тебя тут заблудиться можно. Проводки, приборчики, экраны. Гений ты наш хакерский. Беру свои слова обратно.

– То-то же, – довольно буркнул Степанченко, – Так что насчёт трупа? – спросил он громче, с прицелом на капитана, – Своей работы маловато? Разгружаем дежурные подразделения?

– И что? – произнёс Хабибуллин с упором на букву «ч», – Не понимаю недовольства. Нас же не вагоны грузить отправили.

Степанченко замолк секунд на десять. – Ну... Мы же того... Мы же для всяков нераскрытых. Специальная группа. Экспериментальная. Без следаков.

– Ага, – плеснул ехидцы Байкалов, – Только за месяц ни хрена не продвинулись. Теперь свежие дела будем брать. Привыкай, лейтенант.

– Да ладно! Хорош темнить! – в голосе Степанченко прорезались обиженные нотки, будто старшие товарищи пытались что-то скрыть, – Что я, не понимаю? Это для подтверждения версии начальника группы. Теперь по всему Питеру мертвяков осматривать будем из-за перетягивания каната между Ерохиным и Полежаевым. Пора бы уже прийти к общему знаменателю. Или начальство пресекло бы раздразнить сверху.

– Вот станешь большим начальником, – игриво ответила Мурцева, – И будешь пресекать.

– Я слышал, на тебя уже рапорт ходит, – шутиливо бросил капитан, – Небось ночами дырки под третью звёздочку ковыряешь?

– А там и до начальника рукой подать, – поддержал Байкалов.

Трое дружно расхохотались. Лейтенант замолк и в разговор больше не вступал. Но проскочив пару перекрёстков, нарочито грубо ударил по тормозам.

– Приехали. Вытряхайтесь.

Дорожки сквера прятались от тротуара за башенками остроконечных туй, раскидистыми охапками горных сосен, лиловыми фонтанами барбарисов. Отчего водители спящего потока и редкие пешеходы не могли видеть лежащую в глубине фигурку, распластанную у кованной скамьи.

Был ли этот оазис ландшафтного дизайна и вправду безлюден, или забредшие полуденные гуляки предпочитали видеть в лежавшем перебравшего алкоголика и ретировались восwoяси, но, когда пенсионерка Изольда Алексеевна с писклявой болонкой на поводке позвонила в дежурную часть, после смерти прошло уже полчаса.

Подкрепление вывалилось из комфортного салона в первый день питерского лета.

– Уф-ф, – скривила нос Мурцева, – Откуда жара в начале июня? Настоящее лето.

– Радуйся, Тамара, – сказал Байкалов, взявшись за ручки громоздкой сумки мобильной лаборатории, – Лови тепло. Запасай впрок. Завтра может снег пойти.

– Ну ты, Жень, скажешь. Какой снег в июне. Тут в пору купальники одевать.

– Да это я так, образно, – улыбнулся Байкалов, пытаюсь бочком вытащить упёршийся багаж, – В подражание коренным петербуржцам. Вас же хлебом не корми – только дай погоду похаять. – Он выставил сумку на асфальт и протёр лоб ладонью. – В Москве, кстати, погода не лучше. Но я, за свои неполные сорок лет, не вспомню особых стенаний по этому поводу. А тут, всего за пару месяцев...

Хабибуллин выскочил из машины, едва не сбив сумку, и отпрыгнул в сторону. Затем пригнулся, всматриваясь в глубь сквера, где суетились трое сотрудников, включая начальника группы. На соседней лавочке кемарили две синеватые рожи – бригада труповозки.

Ирочка Тюрина, растерянно улыбаясь, отступила на задний план, когда в бой вступила тяжёлая артиллерия экспертов-криминалистов – кандидат медицинских наук капитан Мурцева и кандидат биологических, старший лейтенант Байкалов.

Волею случая, в неприметном сквере собрались три опера и четыре эксперта – явный перебор. Для полноты состава недоставало двоих: майора Полежаева – заместителя начальника группы, и лейтенанта Козака, отобранного из последнего выпуска института МВД на роль «молодого поколения».

Хабибуллин снял ветровку, бросил в машину, закатал рукава рубахи и бегло оглядев сквер, двинулся к перекрёстку. Вдоль переулка, по касательной к скверу стояло пять машин. Все без водителей. Ренат отснял номера, осмотрелся, и двинул к месту происшествия. Камер в сквере не было, поэтому вся надежда – на видеорегистраторы. Тут чуткое ухо опера выхватило короткий звук. Завёлся автомобиль. Немаленький. И точно, от края дороги медленно втискивался в поток синий внедорожник субару. Капитан рванул назад, крича и размахивая руками, но не успел пробежать и двух шагов, как субарик плавно ушёл по течению.

Ренат обернулся, собрав удивлённые взгляды. В его сторону выскочил капитан Варёный – широкоплечий детина под два метра ростом, и широченными шагами направился к своей тойоте. – Ренат, поехали!

Хабибуллин побежал за ним.

* * *

Уже затих фотоаппарат на гибкой треноге, напоминавший уэллсовского марсианина. Отшаманили криминалисты. Пластик застёжки сомкнулся над синюшным лицом.

Мурцева устало процокала каблучками в сторонку. Закурила. Прикрыла глаза, и зардевшийся кончик значительно подрос. Облегчённо выпустила сизую струю. Тамара не считала себя курильщиком. Регулярно бросала. Но стоило занервничать – тут же хваталась за соску.

Она повидала столько трупов – от одних рассказов может вывернуть наизнанку. Но сейчас нервничала не на шутку. А казалось бы – обычный мертвец без видимых следов насилия, чья смерть вполне может оказаться естественной.

Может – если состоял на медицинском учёте и умер от приступа. Не исключено и отравление – если обнаружат следы токсинов.

Но если не будет ни того, ни другого, то покойник окажется двенадцатым в чёрном списке. И первым, что группа осматривала на месте происшествия.

Больше месяца назад, вновь созданной оперативно-следственной группе был передан ворох висяков – нераскрытых смертей по Петербургу за последний год. Где, среди разношёрстных и изуверских убийств проскакивали неприметные дела с трупами, найденными без следов насильственной смерти.

По логике, эти неброские дела должны были попасть в хвост очереди, и, скорее всего, стать кандидатами на закрытие.

Но, четыре недели назад, просматривая сводную таблицу эксперта Тюриной, на втором «кандидате» Ерохин напрягся, не понимая причины внутреннего звонка. А третий ввёл его в лёгкий транс.

Погибший, его одногодка, Калинин Юрий Сергеевич, подполковник пограничной службы, внезапно скончался, примяв кустарник на одной из боковых аллеек Марсова поля. Дефибрилляция левого желудочка – гласило сухое заключение медэкспертизы.

Людам присуще выделять себе подобных. По полу, возрасту, национальности, по роду деятельности, землячеству, и множеству других признаков.

Всего семь месяцев назад Ерохин получил майорские погоны, но по возрасту мог быть уже подполковником. Мог... бы. Не слупи он в лейтенантской юности. Не прояви принципиальность – глупую и никому не нужную. Очнувшись от воспоминаний, Ерохин исправил файл, сдвинув эти дела в первую строку.

Так, лёгкое движение мышкой раскололо его группу на два лагеря.

Ерохин твёрдо стоял на своём. Не верил он, что вдруг, сам мог бы свалиться с сердечным приступом. Не мог. Раз пятнадцать подтянуться – легко. Подъёмчик с переворотом, стометровка, рукопашный бой – это всегда пожалуйста. Но сердце – не знал он, как оно может болеть. Оттого и почуял подвох в этих «естественных» смертях.

Одиннадцать человек – восемь мужчин и три женщины относительно молодого возраста были найдены мёртвыми в разных районах Петербурга, в достаточно людных местах – парках, скверах, дворовых площадках, междомовых территориях.

Именно в них майор Ерохин и узрел очертания серии убийств. Хотя очертания довольно призрачные. Объединяло их полное отсутствие свидетелей, и то, что ни один не попал в поле зрения камер видеонаблюдения, коими казалось был утыкан мегаполис. Это могло оказаться совпадением. А если нет? Игнорировать слишком опасно. Так считал майор Ерохин.

Майор Полежаев, его напарник и заместитель, считал иначе, и яростно отстаивал свою точку зрения. Он проповедовал вероятностный подход в расстановке приоритетов. Вероятность того, что смерти окажутся убийствами, была невысокой. Но если и так, то вероятность раскрытия, по оценке Полежаева, близка к нулю. Здесь можно погрязнуть, не добившись результата. А тогда возможен любой исход – вплоть до расформирования группы. Поэтому Полежаев предлагал начать с расследования беспорных убийств, а эти дела задвинуть до лучших времён.

После бурных обсуждений и одобрения руководства, одиннадцать дел объединили в одно, определив его приоритетным. Приоритетное дело вскоре стало единственным, в силу большого числа фигурантов и неподъёмности материала.

Только вот дело это, мало того, что стало яблоком раздора, ещё и упрямо не продвигалось в расследовании, словно кто наколдовал.

Полежаев не сдавался. Он беспрестанно проталкивал, выстраивал и обосновывал версию, логически включающую два пункта, как в известном анекдоте. Пункт первый: смерти являются естественными, пока не доказано обратное. Пункт второй: доказать обратное невозможно, потому что... читай пункт первый.

4. Арабская Республика Египет, провинция Эль-Минья. Двамя месяцами ранее

Волнами застывшего моря проступали змеистые барханы в предрассветной мгле.

Незримая кромка между зелёной долиной Нила и спящей пустыней, как грань между жизнью и смертью. Время погрязло в зыбучих песках. Таким виделся мир с окраины древнего коптского селения Амарна, и три, и пять тысяч лет назад. Таков он и сегодня.

Фахми знал, что краски мира больше не вернуться к нему. Холодный клинок этой ночи рассёк его долгую жизнь надвое.

Если верить семейным преданиям, последний раз *подобное* случилось с его прадедом, почти сто лет назад, в далёком 1937 году. Фахми относился с уважением к легендам рода, в отличие от младшего брата, Кутуба, единственного в семье, получившего образование и преподававшего историю в каирском университете. Меж тем Фахми был абсолютно убеждён, что если такое случится на их веку, то с кем-нибудь из двух старших братьев. Ну уж никак не с ним, неудачливым крестьянином-феллахом.

Возвращаясь домой, Фахми издали свистнул Коба, чтобы не разбудить чуткую Мирфат. Тот радостно забил хвостом по калитке, и выскочив, заплясал вокруг, норовя закинуть мохнатые лапы на грудь и лизнуть в подбородок.

Серая крыша подёрнулась розовыми красками утра. Фахми остановился у двери, закурил, и поморщившись, выбросил сигарету на второй затяжке. Тут до него дошло (неслыханное дело) – ему не хотелось курить. Он выудил из кармана штанов подмятую ополовиненную пачку, несколько секунд удивлённо смотрел на неё, затем мотнул головой и сунул обратно.

Открыл дверь, на цыпочках пробрался в кухню, и мягко опустился на табурет, на славу сработанный его прадедом, Зиваром, незадолго до его исчезновения. Прадед, которого Фахми знал лишь по рассказам и фотографиям, воспарил в его мысленных взорах.

– Фахми. – Он вздрогнул. Седая и простоволосая, в линялой ночной рубаше, напротив сидела Мирфат, с которой они уже более сорока лет делили эту жизнь на двоих. Её глаза были исполнены тревоги, – Фахми? С тобой всё в порядке?

Он поморгал, будто проснулся, и медленно расплылся в улыбке.

Моя милая Мирфат. Как ты состарилась. Ещё вчера я не видел твоих морщин. Возможно, я вообще не замечал тебя.

– **Это** произошло? – твёрдо спросила она.

Улыбка слетела с лица Фахми. Он смотрел в глубокие, круглые, как почерневшие от древности монеты, глаза жены, не находя слов.

– С чего ты взяла? – выдавил он из себя, когда пауза затянулась.

– Ты умер этой ночью. – Мирфат не отрывала цепкого взгляда.

Фахми заметно вздрогнул. – Тьфу на тебя, старая. Что ты несёшь? Как же я умер, если сию перед тобой?

– Ты знаешь, **как**, – не отступала она, – Ты перестал дышать. Затем утихло сердце. Только глаза под закрытыми веками неистово метались всё это время.

– Сколько это продолжалось? – осипшим голосом выдохнул Фахми. Минуту назад он был уверен, что пережитое ночью – только его тайна, и вполне может оказаться обычным сном. А у него есть время поразмыслить, прежде чем говорить с кем-то.

– Восемь с половиной минут.

Если всё было так, и она не подняла крик, не стала звонить родным и звать врачей... значит... значит, она понимала происходящее? Фахми прошибла холодная испарина.

– Откуда ты знала, как это бывает?

– Мне рассказывала твоя бабушка.

Фахми удержался только потому, что сидел на стуле, иначе ноги его непременно бы подкосились. Головокружительная слабость тянула его к земле.

Мирфат. Родная. Ты молчала все эти годы? Он вспомнил, как незаметно она выходила из комнаты, когда вокруг родовой легенды разгорались жаркие мужские споры. Большинство мужчин в роду давно не верили семейным преданиям. И даже канувшего Зивара, то относили к несчастному случаю, а то и вовсе, как двоюродный дядька Фуад, обвиняли в слабости. Мол не выдержал тягот, сбежал от нищеты, смирился с невозможностью прокормить столько голодных ртов, да и свёл счёты с жизнью где-нибудь подальше от дома.

Однажды едва не дошло до драки. После изрядного количества пива. Хотя пиво не приветствовалось у мусульман.

Да, род Тайюм были мусульманами. Вернее, стали мусульманами. Вскоре после того, как исчез Зивар. Собрали семейный совет и решили, что мусульманам в Египте легче выжить. И выжили. Не пресёкся древний род. Благодаря исламу или нет – трудно судить. Но среди своих, коптов, приверженцев древней христианской (ещё до римской) церкви, они стали чужаками.

И среди арабов не стали своими. Фахми помнил детство, когда крепыш Махмуд из соседнего Эль-Кандил, на год старше и на голову выше, надменно подбоченясь, преградил дорогу.

– Ну что, жрец? Когда богам звероголовым молиться начнёшь? – И гулко заржал. Ребяшня, даже копты, потихоньку отступились от Фахми. Махмуд придвинулся ближе и навис над ним, – Брехня всё это. Навыдумывали сказок Тайюмы, чтобы нищету свою оправдать. Работать вы не умеете, это все знают. Оттого и в голодранцах ходите.

Фахми вскипел и собрался врезать по наглой роже, а там будь, что будет. Нет сильней обиды, чем оскорбление твоего рода. Но Махмуд опередил – отпустил увесистый щелбан по макушке. В глазах потемнело. А когда Фахми обхватил голову руками, тот сорвался на бег, выкрикивая, – Тайюмы – голодранцы! – Под дружный хохот толпы.

И никто не заступился, даже просто не остался рядом. Изгои – для того и изгои, чтоб другие чувствовали своё превосходство. Да и было ли когда-нибудь у них по-другому?

На протяжении столетий, его предки, дабы сохранить крупницы того, что они свято передавали от отца к сыну, были вынуждены принимать атрибутику новых религий. С приходом христианства они причащались и справляли рождество. Нынче, услышав пение муэдзина, расстилали коврик и склоняли головы на восток. Но при этом, умудрялись оставаться самими собой – носителями древнейшей веры – первой религии, утвердившей единого бога.

Давно утрачены её суть и обряды, но священным для рода Тайюм оставался широкий старинный крест с овалом вместо верхней перекладины. Будто букву «о» поставили сверху на букву «т». Анх – древнеегипетский символ жизни. Этот почерневший от времени бронзовый знак с выбитым у основания разлинованным треугольником с кружком в вершине, передавался на смертном одре новому старшине рода.

Уже больше пятнадцати лет им был восьмидесятишестилетний старший брат – Тарик. Видимо поэтому он всегда молчал, не давая оценок семейным легендам.

Мирфат поднялась, собрала распущенные пегие волосы, и стала накручивать их в клубок на затылке, закрепляя роговыми шпильками. В размеренных мотаниях белой пряжи зрелись проблески колдовства.

Невероятно! Женщины, пришлые для их рода, передавали друг другу тайну и молчали об этом всю жизнь? Бабушка Мирийам. Любимая бабушка, что воспитывала его с пелёнок, ни разу в жизни не обмолвилась с ним, а рассказала его жене. Тридцать один год, как не стало Мирийам.

– Почему она не поговорила со мной? – растерянно, словно малый ребёнок, узнавший правду о Санта-Клаусе, обратился Фахми к жене.

– Этого я не знаю. Я не задавала вопросов. Я лишь поклялась ей, что буду молчать, пока это не случится. Я не верила сказанному, но опасалась этого дня всю жизнь.

Мирфат расшатала и втиснула последнюю шпильку, и подойдя к Фахми, положила руки на его плечи.

– Это был сунхед? – на умоляющих глазах проступили слёзы.

– Да, – выпалил Фахми и плечи его осели, словно тяжесть легла на них только в этот миг. – Но не спрашивай меня больше. Я не уверен... Я хотел посоветоваться с Тариком. Наедине. Он старший в роду.

– Поговори, – уверенно произнесла она, – А поверит ли он тебе?

Фахми повёл плечами, высвобождаясь от рук жены, посчитав, что теперь женщина лезет не в своё дело. Мирфат развернулась и двинулась к двери, обиженно вскинув подбородок. Удивительно, но годы тяжкого крестьянского труда не подмяли её. В свои шестьдесят она сохранила осанку. Фахми увидел, как из комнаты выходит гордая черноволосая девица его молодости.

– Подожди.

Мирфат остановилась, но не повернулась. – Ты что-то хотел, Фахми?

– Погоди, присядь.

Он должен был ей сказать. Она это заслужила.

Сунхед – сон судьбы, был частью семейных легенд. Узнать его можно только попав туда. Не увидеть – а именно попасть. Подобно медали он имел две стороны, что не пересекались одна с другой. Одной из них было ощущение реальности – непрерывность причинно-следственных связей. Фахми ощущал себя и помнил всё, вплоть до того, как уснул. Второй – была абстрактная загадочность сюжета.

Начало ужаснуло Фахми. Как испугало когда-то Зивара, видевшего сотню лет назад мириады переплетавшихся нитей вероятности – человеческих судеб. И на этом, уходящем в тёмную даль цветастом полотнище зияли обугленные дыры, рванные ожоги, пресекавшие миллионы человеческих жизней. Но общий поток поредевших нитей, рассекаясь на разнокалиберные реки и ручьи, стремился вдаль, а значит жизнь продолжалась.

Перед Фахми развернулся иной коллаж. Мириады тончайших, как паутина, нитей, ярколунного цвета, – нитей, истекающих ниоткуда, свивались в неслыханных размеров жгут, завершавшийся черно-пепельным торцом с оранжево-алыми разводами тлеющего огня. Это напоминало гигантскую затухающую папиросу. Из нижней части папиросы выходили редкие черные нити и устремляясь вдаль, исчезали во тьме. Над значением чёрных нитей Фахми не гадал, так как остальное озарилось в его мозгу предельно ясно и уложилось в одну фразу: «Род людской погибнет.» Малограмотный крестьянин однозначно понял увиденное, словно мозг его обладал неким ключом.

Жгут олицетворял глобализацию, о которой Фахми знал из выпусков новостей. А обугленный его край означал войну на уничтожение, скорее всего ядерную.

Затем страшные мысли отпустили его, он расслабленно парил в облаках и тело его было легче пушинки. Земля была за спиной, а перед глазами простиралось ночное небо и необычно яркие звёзды. Фахми видел их. И слышал. Он понимал смысл знаков, что выстраивали звёзды на угольно-чёрном небосклоне.

Вот об этом он и рассказал Мирфат, чтобы уберечь её от переживаний и страхов.

– Ты слышал голос звёзд? – тихо спросила она, и глаза её забегали, выдавая напряжённый ход мысли. – Но Солнце – тоже звезда, – выдала Мирфат услышанное когда-то. Эта фраза заключала все её познания в астрономии, да и в науках вообще. Но она точно знала, что Солнце – звезда, а предки рода Тайюм поклонялись Солнцу. Поэтому было резонно, что Фахми мог слышать его голос. Как слышал его когда-то Великий Фараон. А это она почерпнула из родовых легенд.

– А Солнце? Его голос ты слышал?

Фахми отрицательно покрутил головой. Но тут его пронзило воспоминание.

– Я видел, как звёзды сложились в небесный серп. И его остриё уже легло на земную ось.
Он очертил глазами бессмысленную фигуру, удивлённо размышляя над сказанным.
– Это ...как? – Мирфат грузно опустилась на табурет.
Фахми развёл ладони и пожал плечами.

5. Миоглобинурия

Степанченко перескакивал мраморные ступени Управления. В последний день лейтенантской жизни он решил не ждать очереди в лифт. Он точно знал, что перед обедом зачитают приказ, он торжественно оденет форму с погонами старшего лейтенанта, и снимет её после короткого фуршета. Служба требовала гражданскую одежду. Приветствовалась самая неброская, растворяющая в толпе.

За изгибом площадки, в обычно пустой курилке (курильщиков в органах почти вывели, как тараканов), стояла Мурцева, прижав к подоконнику собранную ковшом ладонь. Лейтенант видел её курящей третий раз за полтора месяца.

Нервничает?

– Доброе утро, Тамара Геннадьевна, – улыбнулся он, поравнявшись.

– Сергей! – тихо сказала Мурцева, залившись блёклым румянцем, – Я же просила не называть по отчеству. У нас разница-то всего... – она осеклась, не озвучив десяти лет, и нервно втянула сигарету, воровато стиснутую меж большим и указательным пальцем.

Степанченко смущённо нахмурил брови. Не мог он пересилить себя и назвать по имени женщину, старшую и по возрасту, и по званию, да ещё кандидата наук. Последнее вызывало у айтишника Степанченко особый трепет. Хотя айтишником его называли сослуживцы. Сам же он предпочитал полное название своей должности – эксперт в области электронных, компьютерных и коммуникационных технологий специальной оперативно-следственной группы первого отдела Центрального Управления. Так он представлялся очередной девице, сидя на высоком стуле сверкающей барной стойки. Неясно, что именно производило эффект – магическая фраза или картинные черные баки, сбегавшие от жёсткой курчавой копны до мочек ушей, но лейтенант Степанченко, несмотря на полноту, пользовался у женского пола завидным успехом.

До совещания оставалось полчаса. Усевшись, Степанченко развернул на экране вчерашний файл, когда над ним навис Ерохин.

– Привет. Удалось что-нибудь выяснить?

Щелчком мыши лейтенант свернул окошко и стал сосредоточенно выискивать другой файл, – Кое-что удалось, Сергей, – и осёкшись добавил, – ...Васильевич.

А вот своего тезку, майора Ерохина, назвать по имени было гораздо проще. Несмотря на должность и то, что он был одних лет с Тамарой.

Начальник группы не циклился на субординации, был прост в общении, и, казалось, так и остался простым мурманским опером. И загадкой для подчинённых. Вернее, загадкой был не он, а его внезапное появление и назначение на эту должность.

Да, все знали, что предложил его начальник отдела полковник Можайский, под чьим руководством лейтенант Ерохин когда-то служил в ОВД Невского района. Но всё равно, была в этой истории какая-то недосказанность. Тем более, что в начале, когда группа только формировалась, обязанности начальника исполнял Полежаев, чьи карьерные амбиции оказались сильно ущемлены. Видимо потому и не сложились отношения начальника с заместителем.

Как сорокалетний мурманский опер, совсем недавно получивший майора, мог совершить такой прыжок?

Но удивительнее всего было то, что сам Ерохин не раз задавался тем же вопросом. Полтора месяца назад звонок Можайского застал его врасплох. Да и уехал он не от того, что прельстился должностью (хотя зарплата существенно возросла), а из-за горечи недавнего развода, решив начать жизнь с чистого листа.

Степанченко наконец отыскал нужный файл, – Умерший Свиридов... – начал он, но был прерван, – Это мне известно. По нему Варёный с Байкаловым работают. Ты мне по регистратору расскажи.

Степанченко задумчиво нахмурился, и стал шарить в компьютере. Изъятый с «субару» регистратор оказался единственным из пяти, что вёл запись.

– Мы тут с Ренатом несколько раз просмотрели... К сожалению, сквер не попал – неудачный ракурс. Виден Казарменный вдоль сквера. Запись, конечно, не ахти – далековато, но кое-что есть. Вот.

Ускоренно прокрутив, Степанченко запустил фрагмент.

– По данным экспертов, примерно за десять минут до происшествия.

На пустынной улице появилась спина удаляющегося мужчины. В футболке, со спортивной сумкой. Поравнявшись с боковой дорожкой сквера, он внимательно посмотрел на место происшествия. Напряжённо огляделся. Кивнул кому-то на противоположную сторону.

– Там кто-то был, – прокомментировал Степанченко, когда персонаж одевал оранжевую рабочую куртку, извлечённую из брошенной на траву сумки. Ерохин стиснул зубы. Он слышал висками удары сердца. Новоявленный рабочий стал расхаживать по переулку взад-вперёд. Когда он шел навстречу, Ерохин вглядывался в отдалённое лицо.

– Что с личностью?

– Нечётко. Далековато, да и разрешение не очень, – замялся Степанченко, – Но я вчера восстанавливал тремя разными прогами. Кое-что есть. Сейчас запущу на поиск по базам фототек.

– Так запускай. Не жди, – Ерохин потряс спинку стула.

– Досматривать будем? – недовольно спросил Степанченко.

– На стрёме стоит. И так понятно. Или там ещё что?

– Сейчас подтверждение увидим.

И точно. Вдалеке, со стороны Петроградской набережной, на Казарменном появилась фигурка женщины с увесистым пакетом в руке и медленно двинулась в сторону сквера. Гулявший вразвалочку «рабочий» марафонским шагом зачесал в её сторону. Завязался разговор. Было видно, как оранжевый жестикулировал, махал себе за спину, затем в сторону набережной.

Ерохин придвинулся вплотную к экрану, – Задерживает.

– Возможно. Но не факт. – Басовитый голос из-за спины заставил Ерохина повернуться. Невысокий коренастый мужик, на вид лет тридцати пяти, напоминал борца. Про таких говорят «широкая кость». Полежаев протянул руку и крепко пожал, – Может оказаться обычным рабочим, выполнявшим приказ бригадира.

– Во время происшествия? – ядовито спросил Ерохин.

Полежаев дёрнул плечами и плюхнулся в ближайшее кресло.

– В любом случае, он должен был что-то видеть, – от возбуждения Ерохин перескочил тоном выше, – Его надо вычислить и разыскать.

Степанченко кивнул на экран, – Уболтал.

Женщина развернулась и пошла обратно.

– А тётку выцепил? – быстро спросил Ерохин.

– Слишком далеко. Да и этот её спиной закрывал.

– Фиг с ней. Ты поиск запускай. Не тяни.

В своём маленьком, но уютном кабинете Ерохин завалился в кресло. Он нервно выстукивал карандашом строевой парадный марш. Воспоминания металась в голове, как стая ярких аквариумных рыбок. Теперь, когда его версия получала зримое подтверждение, перед ним всплывали дни противостояния. И кабинет подполковника Рухляды.

Психолог разбирался тщательно. Беседовал с каждым отдельно. С ним, с Полежаевым, с остальными. Рухляда не давил, опасаясь повлиять на ход дела.

– Отчего люди так привержены собственным идеям? Как вы думаете, Сергей Васильевич? – вопрос был неожиданным и Рухляда продолжил, пока Ерохин собирал мысли в кучку, – Почему спорят и не понимают друг друга, с пеной у рта доказывая собственную правоту?

Рухляда, маленький и шуплый, обладал твёрдым голосом наставника. Ерохин тщательно скрывал волнение, всегда пробиравшее в этом кабинете. Он принял сказанное на свой счёт и вновь повторил свои выкладки.

Подполковник терпеливо ждал завершения пламенной речи.

– Сергей Васильевич, я имел ввиду не это. Я о людях в целом, о жизни, о взаимоотношениях. Почему нам столь дороги собственные идеи? Почему в бескрайнем потоке информации наш мозг выхватывает лишь то, что подтверждает собственную правоту и отбрасывает остальное? Почему мы так боимся оказаться неправыми? Вам не доводилось задумываться?

Ерохин молчал, внимательно и напряжённо глядя в глаза подполковника. После паузы, тот ответил сам, – Инстинкт доминирования.

– Что, простите? – вскинул брови Сергей.

– Один из трёх основных инстинктов, управляющих нашими поступками независимо от воли и разума. Закреплён генетически. Достался от далёких предков. – Подумав, многозначительно добавил, – Очень далёких. Потому и лежит глубоко. Руководит нами из подсознания. Также присущ собакам, волкам, приматам и ряду других стайных животных со сложной иерархией взаимоотношений.

Сергей опешил. Чего-чего, а генетики при анализе раздора в группе он никак не ожидал. Тем более, что конфликт безличностный, сугубо профессиональный, как полагал Ерохин.

Ерохин хотел оспорить сказанное применительно к себе, но Рухляда закончил беседу, не настаивая ни на чём, и, даже заранее согласившись, что в данном случае причина в ином, но предложил обдумать на досуге.

Вот хитрожопый психодрюк. Вбил гвоздик в башку. Куда-то в подкорку, где и обитают инстинкты. И теперь Сергей колетса время от времени об этот гвоздик.

Нет. Херня всё это. Не тянул я за уши собственную версию. Или тянул? Нет. Теперь – точно нет. За смертями явно проглядывается чей-то умысел.

Заглянула Тюрина. – Через три минуты совещание у Можайского. Просил не опаздывать.

Пятое совещание за месяц. До этого заслушивались выжимки из материалов и строились версии. Старые материалы были крайне объёмны, но бесплодны, как пустынный песок. Проведённые группой опросы родственников, знакомых, соседей и сослуживцев умерших, прибавили к делу несколько томов, но... зацепиться было решительно не за что, что укрепляло позицию Полежаева.

Сегодня слушали Мурцеву. Она изрядно поработала с заключениями судмедэкспертизы, а последние дни зарылась в медицинских справочниках.

Ерохин отвлёкся – его сознание витало в поисковиках, которыми хвалился Степанченко – ведомственные, профессиональные, с искусственным интеллектом. В эту минуту они сравнивали лица паспортной фототеки с фэйсом вчерашнего «рабочего». А может уже нашли?

– ...миоглобинурия... – это новое, но уже знакомое слово, вытянуло Ерохина из раздумий.

– В двух заключениях, причиной смерти значилась маршевая миоглобинурия. Данный симптом развивается после сильнейшего физического переутомления, например, вследствие длительного изнуряющего бега. Здоровому человеку для этого надо пробежать десятки километров без остановки. В одном из дел пытались подтянуть версию о стае собак, однако версия рассыпалась – собак не обнаружили. Также, по данным камер наблюдения, на улицах не обнаружили и бегуна. Кроме того, одежда и обувь покойных не предполагала возможности длительного бега. Тем более, что один был найден с увесистым портфелем.

– Портфель нам передали? – прервал её полковник.

– Передали, – выпалил Ерохин, – Строительные сметы. По ним всё отработано.

Можайский понимающе кивнул, – Тамара, извини, что перебил.

– Так вот, – продолжила Мурцева, – Миоглобинурия, что из всех диагнозов оставалась для нас загадкой, может занять место в общем ряду. Поскольку, кроме физического переутомления, её может вызвать запредельный уровень адреналина в организме. А также, адреналиновым всплеском могут быть спровоцированы и другие диагнозы из нашего списка: острая сердечная недостаточность, обширный инфаркт, аритмия с фибрилляцией желудочков, и даже инсульт.

Мурцева сделала многозначительную паузу.

– И что? – спросил Полежаев. – Им всем вкололи адреналин?

– Нет, нет, – замотала головой Тамара, – Следов инъекций не обнаружено. Тем более, что ввести надо в кровь. ...Выброс адреналина был спровоцирован.

Она снова замолкла, перехватив вопросительный взгляд Ерохина, и продолжила оправдывающимся голосом, – То, что я скажу, может показаться неправдоподобным, но пиковый выброс адреналина в смертельных концентрациях мог быть спровоцирован испугом. Очень сильным испугом. Они могли умереть от страха. Вернее – от ужаса.

Все напряжённо молчали. Пока Байкалов не прервал тишину:

– И чем же их так напугали? Тамара?

– Этого я не знаю, – она развела ладони и виновато вздохнула, – Но я перерыла массу источников. Случаи смертей от испуга у здоровых людей фиксируются крайне редко, но всё же бывают. И диагнозы совпадают с нашими.

Этот доклад, сшивший нитью все посмертные диагнозы, не породил новых версий. Скорее стал новой загадкой.

Ошалевшие сотрудники расползались по кабинетам. А Ерохин спешил к Степанченко.

– Получилось. Нашёлся, – взволнованно выкрикнул тот, едва заведя Ерохина, – Климов Сергей Андреевич. Тысяча девятьсот девяностого года рождения.

– Ну ты молодец... – вкрадчиво прошептал Ерохин, склоняясь к экрану, где на фото шестнадцатилетней давности красовалось молодое лицо военнослужащего срочной службы.

– Он как-то странно пробился, – начал Степанченко с нотками удивления и непонимания, – Только по военкоматской базе. А паспортная ничего не дала.

Поразмыслив, в паспортную базу завели учётные данные военкомата. И результат шокировал – паспортная выдала совершенно другое лицо.

Благодаря расторопности и служебным связям Степанченко быстро выяснилось, что в паспортной базе фотография была подменена, но в её архивной копии нашли настоящее фото Климова. А в паспортной службе был дан ход служебному расследованию.

По Климову отправили массу запросов: по месту рождения в Ханты-Мансийск, по месту службы, учебы, поиск мест работы, запросы по бывшей супруге, с которой они уже десять лет в разводе, а также поиск иных данных.

Поскольку, по адресу регистрации Климов не появлялся вторую неделю, к концу дня он был объявлен в федеральный розыск.

6. Чёрный ящик

Лайнер национального агентства безопасности авиаперевозок дремал на запасной площадке аэропорта Пулково.

В ночь с пятницы на субботу, двое дежурных сотрудников – шустрый весельчак Стас, и его хмурый, вечно недовольный жизнью напарник, разгружали служебный автомобиль, прибывший с места катастрофы. Из притормозившей сзади автоцистерны к ним выпрыгнул человек в служебной куртке.

Стас был в автомобиле, и уже подготовил очередной контейнер с обломками электронных устройств. Сидя у открытой двери, он поджидал из самолёта напарника и с интересом рассматривал отделанный черепашьям панцирем телефон, что вопреки законам физики остался почти невредимым, в отличие от его владельца, чьи останки были разложены на нескольких цинковых столах районного морга.

Разговорчивого и открытого Стаса раширало поделиться новостями прошедшего дня. В появившемся сотруднике аэропорта, немного усталом, но добродушном и общительном, он нашёл приятного собеседника. Людей всегда привлекали свербящие душу подробности катастроф, поэтому общения с персоналом аэропортов не были редкостью.

Но водитель автоцистерны Антон Порошкин появился не ради новостей. Его интерес был в другом.

И уже через полчаса он выезжал через КПП воздушной гавани. Пара фраз со знакомым охранником, стандартная проверка без пристрастия, и нарастающий звук двигателя за сходящимися створками ворот.

Машина с Порошкиным более не вернётся в аэропорт. Брошенную цистерну обнаружат во второй половине следующего дня в лесополосе у Ланского пруда, на окраине Царскосельского Александровского парка.

А ранним субботним утром, за рулём своего старенького «ниссана», Порошкин подъезжал к неприметному посёлку Металлострой, на лесистой окраине которого была назначена встреча. Груз лежал в багажнике, замотанный в чёрный полиэтиленовый пакет.

Заказчик, шустрый тип с поросячьими глазками, мелькающими под козырьком полосатой кепки, остался доволен грузом. Скроив змеиную улыбку, он выставил спортивную сумку на заднее сиденье и уселся рядом. Антон огляделся и юркнул в машину.

– Всё как договаривались, за вычетом аванса, – довольно произнёс заказчик, но Антону стало не по себе. От волнения из живота раздался протяжный звук и очень некстати захотелось в туалет.

Антон пересчитал упаковки. С двух, взятых наугад, нервно стащил банковские ленты. Что-то набрал на малтфоне. Сканер валют замерцал, осветив купюры ультрафиолетом.

– О-о! Практичная модель! Телефон делового человека, – похвалил заказчик, но поймав суровый взгляд, отрешённо уставился в окно. Одна за другой откладывались купюры.

– Все нормально. – Антон убрал деньги.

Заказчик повернул довольное лицо с намерением что-то сказать, но напряжённый Антон его опередил.

– А теперь я хочу предложить ещё одну взаимовыгодную сделку, – выпалил Порошкин заранее подготовленную фразу и его прошибло потом. С лица шустрилы медленно стекала улыбка. Что-то пошло не по инструкции. Меж тем Антон отдышался, сконцентрировался и продолжил сдавленным, но спокойным голосом, – У меня есть малтфон Олафа Вагнера.

Поросячьи глазки округлились. Заказчик снял кепку и протёр лысину с каймой рыжеватых волос. Теперь и его прошибло потом.

– Он не разбился? Так бывает? Надеюсь телефон у вас с собой?

– Нет, он в городе, в надёжном месте.

Рыжий растерянно похлопал глазами. – Что вы за него хотите? Почему не сообщили и не привезли сразу?

– Много лишних вопросов.

– Мне надо поз... – В кармане заказчика запищал малтфон, – Позвонить, – он нажал и поднёс к уху, – Да, Шеф! Я как раз собирался Вам звонить. Здесь вскрылось ещё...

Он слушал и часто моргал. Судя по отвисающей челюсти, возможности собственного аппарата ввели его в ступор.

– Да шеф, передаю. Это вам, – с глупым лицом он передал трубку Антону, и тот услышал хриловатый голос, – Ваша сумма?

– Как...кая сумма?

– Откуда Вам известно кому принадлежал телефон?

Антон прокашлялся.

– Мне рассказал тот, болтливый, что дежурил в машине. Я разговорил его, чтобы узнать про самописец, а он был так удивлён малтфоном, что трепался об этом без остановки. Ей-богу, будто инопланетянина увидел. Да и сам аппарат необычный, с вензелем, корпус отделан под панцирь черепахи.

– Цена!

– Что? Да... Цена должна быть не меньше самописца, – задыхаясь выпалил он, со страхом ожидая ответа. Для пущей ясности добавил, – За меньшее... не отдам.

На последней фразе голос досадно сломался, и Антон ждал торга.

– Допустим так, – согласилась трубка, – Сколько вам потребуется времени? Час хватит?

– Вполне! – обрадованно выкрикнул Порошкин, – Только передача будет в городе, в людном месте.

Нависшая пауза завершилась выдохом усмешки, – Как вам будет угодно. Называйте место, и упаси вас бог от опозданий. Сверим часы.

Опоздания Антон не боялся, так как малтфон был упрятан в его же автомобиле.

Они не знали, что за сделкой наблюдал ещё один глаз – миниатюрный дрон, зависший столь высоко, что не мог быть ни увиден, ни услышан её участниками. А в сторону посёлка уже неслись два больших черных внедорожника с тонированными стёклами.

Вырулив на шоссе, безымянный заказчик и Антон Сергеевич разъехались в разные стороны. Порошкин двигался в сторону Питера, чтобы заранее прибыть к назначенному месту. А путь заказчика лежал в направлении Шлиссельбурга, по тихому, и в этот час безлюдному Петрозаводскому шоссе.

Вскоре, позади каждого из них, на приличном расстоянии появился чёрный внедорожник, который уже не исчезал из панорамы заднего вида. Погружённый в собственные мысли Порошкин не догадался о сопровождении, чего не скажешь о заказчике. Прожжённый шельмец, сменивший массу фамилий, имён и прозвищ, себя воспринимавший по давней кличке Хазар, уже через несколько минут, ускоряясь и притормаживая, убедился в наличии «хвоста», о чём сразу сообщил руководству. Подкрепление обещали выслать незамедлительно. А по выезду, ему сообщат марку и номер машины.

Суэта была замечена «хвостом», и слежка перешла в открытое преследование. Юркий седан оказался не по зубам мощному, но не слишком манёвренному внедорожнику с тремя головорезами на борту.

Хазар уверенно отрывался. И даже стал успокаиваться, когда снаружи раздались три гулких удара. Причём третий сопровождался хрустом, пробравшим до костей.

Снизу похолодело, машина качнулась влево-вправо, выровнялась, и ускорилась с нарастающим рёвом.

Снова выстрелы. Серией глухих смазанных хлопков.

Мимо!

Прямой участок вырвался из-за поворота. Нога судорожно вдавила педаль. Спидометр зашкалил в красный сектор.

Над рёвом мотора слышался треск динамиков.

Связь! Твою мать!

Кнопка на руле была мертва – выстрелом разнесло антенну спецсвязи. Отставший внедорожник больше не стрелял. В куртке на заднем сидении громко звонил малтфон.

Тут в уши пролез новый нарастающий звук. И через пару секунд навстречу вылетел автомобиль ДПС, растекаясь вспышками и воем сирен.

Черт! Только этого не хватало

– К обочине и стоять! – грохнул металлический глас.

Обезумевший Хазар вмял педаль газа. Стрелка с истошным рёвом поползла в красную зону. Автомобиль ДПС заложил разворот, и вскоре стал сокращать дистанцию, продолжая орать.

– Немедленно свернуть на обочину и остановиться! Повторяю: немедленно остановиться!

Зарево слепящих маяков остудило Хазара. Он сбавил скорость. Автомобиль ДПС проскочил вперёд и стал тормозить, принуждая к остановке. А в голове Хазара быстро верстался план.

Сдам-ка я этих, с вольнами. – он глянул на далёкую чёрную точку в зеркале.

Я пострадавший. Удирал от погони. На меня напали вооружённые бандиты.

План подкреплялся следами пуль. Он перевёл рычаг на паркинг, надеясь на быструю развязку, и вышел из машины.

– Открывай багажник!!

– За. зачем? – взмолился он под звук пролетевшего чёрного внедорожника, – На меня напали. У них оружие, – махнув в след проехавшим, он понял, что инспекторов не интересует ни внедорожник, ни оружие.

Они заодно?

– Груз цел? Ты не был на связи двадцать семь минут, – сердито рявкнул инспектор, – Открывай и выгружай самописец.

– Не могу. Без подтверждения не имею права. На меня напали. Мне надо позвонить, – заныл заказчик, прощупывая ситуацию.

– Звони, только быстро.

Из машины ДПС вышел второй инспектор и направился к ним. Хазар потянулся за курткой на заднее сиденье.

Внедорожник остановился и стал медленно сдавать задним ходом. Когда Хазар сунул руку в карман куртки, из его приоткрывшейся двери прошла короткая очередь. Инспектор, стоявший у машины Хазара, дёрнулся, и запрокинув голову полетел навзничь. Второй прыгнул за багажник своей машины и катнулся на спину, обхватив колено. От его бедра расплзался багровый треугольник.

Из передней двери в кювет вылетел третий инспектор. За ним, подняв песчаную пыль, прошла косая очередь, прихватив переднее колесо. Ответная очередь просвистела под днищем внедорожника, прошив две задние шины. Дверь чёрной машины захлопнулась.

Выронив куртку в песок, Хазар прыгнул в заведённый автомобиль. И с визгом рванул на шоссе, захлопнув с разгона двери. Шальная очередь прошла мимо. Поворот скрыл Хазара, понимавшего неизбежность погони и возможность новой встречи впереди. Связи нет. Своих не отличить от чужих.

Он решил спрятать груз и ехать порожняком. Вскоре свернул в лес. Колея петляла меж исполинских елей. Но была подозрительно ухоженной и вывела к дощатому забору лодочной станции.

Собак нет, ворота заперты. Он развернулся между причалом и лесом. Вышел из машины. Сквозь штaketник оглядел дом и двор. Тишина. Достал из багажника лопату.

Отойдя к причалу, начал хаотично перекапывать то в одном, то в другом месте. Размашисто притаптывал, стараясь оставить побольше следов. Затем бросил лопату под ель и поехал назад. Украдкой оглядел шоссе и выскочил, продолжив поиск укромной лесной дорожки.

Её, скрытную и безлюдную, он едва уловил боковым зрением. Сдал назад и свернул, с трудом протискиваясь меж старых осиновых стволов. Зброшенная и бугристая, она трясла, как необъезженная кобыла. Хазар несколько раз садился днищем, буксовал. И наконец, протиснувшись под веткой, нашёл скрытое от глаз место на краю прибрежного елового леса.

Через тридцать две минуты он уже мчал по асфальту с чувством исполненного долга. Кто были нападавшие, и как могли его выследить, уже не важно – груз заберут другие. Он мысленно прокручивал череду событий, а страх и неопределённость давили на педаль, пока впереди, из-за поворота не нарисовался зад знакомого чёрного внедорожника.

Нога упала на тормоз. То же случилось и в другом автомобиле. Большая машина замерла раньше, сократив дистанцию. Хазар без промедления начал разворот. Но усталость брала своё, и затёкшая рука проскользнула по баранке, отчего шустрый внедорожник с необъяснимо целыми задними колёсами, рванул задом наперерез и помешал манёвру. Хазар передёрнул рычаг и с резиновым визгом вырвался в просвет, шаркнув бок машины противника.

Продолжилась безумная гонка.

На шоссе стали проскакивать встречные машины. Но Хазар их не замечал. Бросая короткие взгляды на дорогу, его глаза были прикованы к зеркалу заднего вида, где зловеще нависла чёрная машина. Почему-то в этот раз он не мог оторваться. Как в кошмарном сне.

Вдруг внедорожник резко отстал, стремительно уменьшаясь в размерах. Эта картина была последней, что видел Хазар, пробивший ограждение крутого поворота, нависшего над каменистым склоном с редкими соснами.

Водитель внедорожника, сбросивший скорость у поворота, узрел летящий вверх дном автомобиль. Зацепив одинокую сосну, он крутнулся, и с размаху грохнулся крышей на каменистое дно обрыва.

Через несколько секунд низина озарилась ярко-оранжевым куполом пламени.

А часом ранее, ничего не подозревавший Порошкин был расстрелян из окна обгонявшего автомобиля. Машина с его телом, посаженная на жёсткий буксир, исчезла в неизвестном направлении.

7. Арабская Республика Египет, провинция Эль-Минья. (продолжение)

Четверо мужчин рода Тайюм собрались в душевной комнате в этот полдень.

Фахми сидел на табурете в центре. Закончив рассказ, он уронил подбородок на грудь и устался в старческий живот, выступавший над холщовыми штанами. Братья молчали.

– Будет война, – повторил он слова прадеда Зивара.

Тишина. Все ждали Тарика. Тот сидел, склонив взгляд, и степенно перебирал чётки. Затем поднял голову и бросил вопросительный взгляд на Луфти – такого же старика, страдающего подагрой, и выглядевшего старше остальных.

– Что нового ты сказал? – прокашлявшись, хрипло спросил Луфти, – Твои сны навеяны сводками новостей. Война уже началась: по CNN утром передали – в ответ на затопленный пограничный корабль, русские сбили на севере Ирана американский самолёт. Ответ может быть в ближайшие дни или часы.

– Нет! – твёрдо сказал Фахми и вновь удивился своей уверенности, – Это ещё не война. Война начнётся не сегодня. И не завтра. До большой войны будет два коротких мира.

Нельзя сказать, что Фахми не понимал того, что говорил. Что кто-то овладел его разумом и языком. Нет. Он точно знал причину сказанного. Но знал до тех пор, пока его не просят пояснить. Это напоминало известную притчу о времени: я точно знаю, что такое время, но лишь до тех пор, пока меня не спросят об этом. Фахми с трудом привыкал к новой реальности.

Луфти озадаченно смолк. Он смотрел в лицо Фахми, медленно пожёвывая губами. Но так и не задал вопрос. Не задали и остальные, спрятавшись за старшину рода. Даже вспыльчивый Кутуб, кичившийся перед старшими братьями своей учёностью, в этот раз промолчал. Ядовитая профессорская ухмылка сменилась усталостью в притупленном взгляде. Слышалось вялое жужжание редких мух. Раскалённый воздух казалось был пропитан желанием закончить разговор. А Фахми оставить поступить по велению сердца.

На том и завершили.

– Потребуется помощь – мы не откажем, – Луфти, выходящий вслед за Тариком, откинул марлевую занавеску и развернулся у двери, – Помогут даже те, кто не верит твоим толкованиям. – Он тяжело вздохнул, – Подумай хорошенько, Фахми. За долгую жизнь каждый из нас видел необычные сны. И не раз терзался тем же вопросом. Это потому, что все мы с детства насыщены семейным преданием и рассказами про Зивара.

Фахми молчал. Подперев щеку и облокотившись о стол, он одиноко восседал на высоком табурете. Теперь в его душе простиралась пустыня. Он не терзался тем, что больше не увидит братьев. Его сердце не сжалось от боли перед разлукой с Мирфат.

Нет страданий. Нет боли. Только тревога. Тревога неизвестным.

Он поднялся. Пора идти. Он точно знал, что пора. На комодике в углу заметил стопку белья и потёртую холщовую сумку под ним. Мирфат! Фахми понял, что они уже простились. Больше ни к чему. Больше только разбередит её раны.

Ноги снова привели на восточную окраину Амарны.

Та самая звезда – могущественный Ра-Хорáхти, что на рассвете лишь пробелила небо-склон, сейчас воспарила над обоими горизонтами, изливая полуденный жар. Пустыня мерцала, растворив в дрожащем мареве далёкие предгорья. Ни души. Башмаки привычно утопали в песке.

Вскоре появились очертания стелы, пролежавшей у развалин Большого храма более трёх тысячелетий. За ней показался край разбитого обелиска. Фахми остановился.

Можно ли увидеть огонь в залитых солнцем полуденных миражах беспокойного океана пустыни?

Фахми его увидел.

Слабеющее пламя истекало из бронзовой чаши жреческой огненной купели с кованым витым изножьем, возникшей на обломке гранитного обелиска. Это скорбное пламя – поминальный огонь, разведённый последним солнечным жрецом в память о великом городе и великом фараоне.

Сквозь муар тысячелетий смутно виделась преклонённая, обезвоженная и иссохшая фигурка старого жреца Пвоха, умирающего на поруганных развалинах непревзойдённой столицы.

Пятнадцать лет разрушались храмы и дворцы. Пятнадцать лет, как жители покинули Ахетатон. Пятнадцать лет прошло после смерти великого правителя.

Построенный им город разгромлен до основания последней колонны. Его гробница жестоко разорена, останки сожжены, а имя предано забвению и проклятью. Под страхом смерти запрещалось произносить любое из его имён. Для хулы и проклятий, посылаемых ему вслед, было наречено единственное имя – Еретик.

Шум кавалькады четырёх огромных автомобилей, прибывших с севера, вырвал Фахми из забытья. Первая машина остановилась лихим разворотом в двух десятках шагов от него, где кончалась асфальтовая дорога. Три других прижались к ней носами, как поросята к брюху свиньи. Поэтому срединная машина оказалась прикрыта с трёх сторон.

Суетливо озираясь, выскочили двое, облачённые в серый камуфляж пустыни. Ещё двое. И вот уже пятеро молодцов снуют взад-вперёд, как потревоженные муравьи. Двое остановились, посмотрели на Фахми. Один указал в его сторону и что-то сказал. Другой кивнул и заскочил за машину, откуда показался шуплый, невысокий, но горделиво осанистый господин в британской колониальной кепке, защитной рубахе и зеркальных очках. Бойцы обступали его, прикрывая собой, словно пчелиный рой вокруг матки.

Фахми прищурился. Главный остановился, показал на него пальцем. Крепыш из свиты вскинул бинокль. Солнцем сверкнули окуляры.

Зачем бинокль? И так видно. Даже мне, разменявшему седьмой десяток.

Фахми отрешённо наблюдал странный спектакль, когда его слух уловил свистящие звуки и глухие удары. В пятидесяти метрах сзади, бархан разорвало серией песчаных фонтанчиков. Тут он понял, что пришлые взирают за его спину.

Если бы разум Фахми не опутал мираж, и если бы он затем не отвлёкся на чужаков, то приглядевшись, мог бы увидеть далеко на юге, как в узкий просвет между предгорьями и Нилом вливается другая река, расцветки хаки, и катит на север, растекаясь широкой волной.

До того, как новостные порталы взорвутся красными экстренными лентами, оставалось сорок три минуты. Больше двух часов не работала мобильная связь. А час назад, с интервалом в десять минут, в двух портах, Бур-Сафага и Рас-Гариб, разнесённых вдоль берега Красного моря, высадились отряды неведомой армии – «воинства праведного халифа Омара».

Нынешнее время богато на парадоксы.

Противоборствующие сверхдержавы, оснащённые небесными и подводными беспилотниками, лазерными и рельсотронными установками, всевидящими спутниковыми сетями, и иными чудесами военных технологий, проворонили рождение третьей силы.

Подобно грызунам, комарам и саранче, плодящимся вопреки средствам их уничтожения, смуглые, мускулистые, бородатые, не прикрывающие голов под солнцем, обвешанные новейшим оружием воины Омара спрыгивали из причаливших паромов, старых боевых транспортов и перестроенных нефтяных танкеров. По наспех прилаженным трапам с рёвом выскакивали армейские джипы и лёгкие броневики.

Растянувшись на сотни километров по двум дорогам, обе армии воинства на удивление скоро форсировали пустыню, продвигаясь к зелёной прибрежной долине. А в это время их передовые отряды, что заранее просочились и осели среди населения, рассекли Египет в цен-

тральной части. Разделившись, они двинули на север и на юг по густонаселённой долине Нила, обезопасив себя от ударов с воздуха. Проходя посёлки и городки, их отряды не встретили сопротивления, обчищая полицейские и военные склады. Более того, они существенно пополнили свои ряды религиозной молодёжью.

Первые бои с регулярной армией случились к вечеру. На севере – в пригородах Каира, а на юге – в предместьях Асуанской плотины. В течение дня там готовились военные укрепления.

Эта дерзкая вылазка охладила пыл сверхдержав и сдержала начало войны. Даже противоборствующие стороны в Иране, поддерживаемые Россией, Китаем и Пакистаном с одной стороны, и западной коалицией с другой, притихли и заключили перемирие.

Почти три месяца потребуется бывшим противникам – коалиции из сил НАТО, России, Израиля и Пакистана, действующей под формальным руководством генштаба Египта, чтобы очистить страну от боевиков.

Это был первый короткий мир, предсказанный Фахми.

Пули вспороли пустыню ближе к его ногам. В это время крепыш с биноклем на шее подбежал и дёрнул за рукав. Он выкрикнул по-арабски:

– Боевики! Убьют! Бежим!

И Фахми, видимо побежал. Потому что в себя он пришёл на заднем сиденье, рядом с чужаком в колониальной кепке, который снимал очки, помаргивая и протирая глаза.

8. Пулковское дело

Проходя, Ерохин услышал гулкий бас Полежаева в открытую дверь.

– Тамара, ты в правду веришь, что можно чем-то до смерти напугать столько народу?

Тут Ерохину пришла интересная мысль. Он зашёл. Уставшая Тамара пыталась что-то ответить. А Полежаев, узрев Ерохина, откинулся на спинку и вызывающе развалился в кресле.

– Всё это надёргано под требуемый результат. Теперь мы совсем заплутаем в лабиринте.

И не подступимся к реальным делам.

– *На* тебе дело. – Ерохин протянул кожаную папку, только что полученную в кабинете Можайского. – Реальное. Как ты хотел.

Взяв папку, Полежаев сбросил ноги с подножки кресла, и перекинул обложку.

– Что здесь?

– Двойное убийство в Пулково. С похищением бортового самописца.

Взгляд Полежаева бегал по строчкам. Широкий палец перевернул лист.

– Тут же даты вчерашние... Почему нам?

– А вот так. Больно дело склизкое. Прокурорские перебросили фээсбэшникам. А те сходу вспомнили о новом подразделении.

– Да-а, – Полежаев машинально лизнул палец, шаркнул листом, почитал и поднял глаза на Ерохина, – Реальные убийства. Это же наш профиль.

– Вот ты, Юр, и займись. Теперь это твоё дело.

Загрузка Полежаева означала его удаление от первого дела. И давала надежду на угасание раздора.

* * *

Серое ненастное утро. Лежать бы и дремать. Под одеялом. С головой. Кабы не треклятый будильник!

Завтракал Ерохин (впрочем, как и ужинал) в кафе общаги. Прилично и недорого.

Одолов омлет с грибами, он растянул удовольствие чашкой кофе. Бросил скомканную салфетку на блюдце. Хлопнул себя по куртке.

Малтфон забыл. Придётся вернуться.

Зашёл к себе. Взял малтфон.

На выходе помялся, одолеваемый неясным чувством. Никогда не соблюдавший примет, Ерохин заставил себя глянуть в зеркало. Решительно вышел, закрыв дверь.

Майор не подозревал, что в уютную общагу с манящим запахами кафе, он больше не вернётся.

Этим утром Ренат не включал компьютер. Разложив лист двойного формата (в мусорном ведре уже валялись три скомканных), он вырисовывал кружки с линиями и стрелочками между ними. Полежаев проскочил мимо, остановился, и шагнул назад (видимо для большей театральности). Склонив голову, он уставился в лист.

– Ну, что, Пинкертон? Ты бы развесил портретики, – Он махнул в сторону коричневой доски, сиротливо пустующей рядом с настенным экраном. – Что бы всё было как в сериалах.

Хабибуллин молча скомкал лист. Выложил чистый. Поднял глаза на Полежаева.

– Вот скажи, Юр, – В это время вошёл Варёный. Ренат продолжил к обоим:

– Может ли в наше время существовать секта или тайная организация, проросшая в общество?

Варёный удивлённо поморщился. Полежаев хмыкнул и вальяжно развалился в кресле.

– Я смотрю, этот Климов подкинул вам уголька в топку.

В последние дни он перешёл от неприятия к подтруниванию. С позиции наблюдателя. А новым делом, к которому подключил свою хваленую агентуру, намеревался открыть счёт в партии с начальником.

Варёный присел напротив, поставил локти на стол, сцепив ладони домиком. – Ренат, ты сейчас о тех двоих, из списка? ... Так был же ответ. Общество солнцепоклонников не обнаружено. ... Там ещё бог какой-то... древнегреческий.

– Древнеегипетский, – поправил Ренат.

– Атон! – Полежаев вскинул глаза и поднял ладони. Затем довольно ослабился, – Это из ответа сектантского отдела. Ренат, ты не доверяешь отделу полковника Серикова?

– Я пытаюсь рассмотреть под другим углом. – Ренат подвинул к себе планшет. – Это я к вопросу: за что их всех устранили? Кому помешали? Они что, депутаты, журналисты, банкиры или промышленники? Вот: два медработника, охранник, эксперт кадрового агентства, офицер-пограничник, экспедитор, – возбуждённо перечислял Хабибуллин известные факты, – За что их устранять так мудрёно? – Он сделал вопросительную паузу, – А вот если все они были членами какой-то секты, – он покрутил пальцем в воздухе.

Махнув рукой, Полежаев отправился к своему столу.

Ренат неуверенно продолжил, – Тогда их устранение можно как-то объяснить.

– Вряд ли, – вступил Варёный, – Не совсем укладывается в привычный порядок вещей, – Он скривил половину лица и повертел ладонью возле уха, – Сектанты, они ж того, люди с особым укладом психики. Выделяются. А у нас обычные люди. И подполковник-погранец, который регулярно проходил медкомиссию. Нет, это не тот случай.

Хабибуллин сосредоточенно тыкал пальцами в планшет. – Ещё... Тогда ещё санатории. Четверо регулярно посещали санатории. – Он поднял голову и наигранно округлил глаза, – Причём добровольно!

Варёный встал, потянулся, едва не достав ладонями потолка.

– Ренат, там указан один санаторий Чайка. Мы с Козаком туда ездили. Ничего подозрительного. Санаторий, как санаторий. Ты же видел отчёт.

Ренат устало вздохнул.

Когда все погрузились в работу, он стукнул ладонью по столу, – Климов! Надо непременно найти Климова!

Варёный вырвал взгляд из папки.

– Ерохин считает, что живым его мы не найдём.

Со скрипом кресла развернулся Полежаев.

– А мёртвого нашли? Проверка моргов ни хрена не дала.

Полежаев, казалось сиял изнутри. Потому что на недавней планёрке, ставя на кон свой опыт (что проделывал частенько), он пытался предостеречь от траты времени и сил на поиск Климова в моргах.

9. Планёрка

– О-о-о! – Полежаев вскинул глаза к небу, ткнув затылком в подголовник, – Старая песня на новый лад. И в чём же, Сергей Васильевич, ты мог увидеть связь между этими делами?

Ерохин хмуро молчал. Полежаев придвинулся к столу и важно раскинул локти, как поселковый глава на правлении.

– Решать, конечно, тебе. Но я советую не тратить попусту силы. – Он поднял ладонь и авторитетно резюмировал, – Я убеждён, что между пулковским делом и делом о смертях нет никакой связи. Это – раз. – Указательным пальцем правой руки он загнул мизинец на левой, – Искать Порошкина в моргах бессмысленно. Это – два. Будет так же, как с Климовым.

– Всё? – спокойно спросил Ерохин. Полежаев развёл ладони. Ерохин кивнул и задумался. Говорит Юрий уверенно, кичась агентурой, которой у Ерохина нет. И вполне возможно, что он прав.

Паузу прервала Тамара, – А я считаю, что морги проверить надо. Нельзя отбрасывать версии, – она обернулась к Полежаеву с задорной искоркой в глазах, – Ибо отброшенный камень может оказаться краеугольным.

Полежаев вытянул губы и медленно развёл руками.

Но камень не оказался краеугольным. Проверка моргов только усилила позиции Полежаева. Хотя вверенное ему пулковское дело также не сдвигалось с мёртвой точки. Единственный подозреваемый – бесследно исчезнувший Порошкин, был объявлен в федеральный розыск.

Расположение Можайского давно сменилось на недовольство и упрёки. А на разгромном совещании с участием генерала Мостового был назначен срок завершения расследования – две недели, причём по обоим делам. Правда не было озвучено, что произойдёт после, но Ерохин стал задумываться о скором отстранении от должности.

Ну и ладно. Лишь бы не турнули из группы.

Внутренне он уже был готов работать под началом Полежаева. Если... не расформируют группу. Но об этом не хотелось даже думать.

10. Нежданная встреча

Крапал вечерний дождик, но Ерохин снова забрёл на эту улочку.

Озирая раскидистые кроны мощных лип, он вспоминал подвязанные к колышкам жиденькие деревца.

Показалась серая хрущёвка, где жил когда-то дядя Андрей. Вспомнился терпкий запах маминых духов. Забитая электричка Волосово – Петербург. Балтийский вокзал. Четыре пролёта метро и двадцать минут пешком. Сколько мне было? Десять? Одиннадцать?

Резкий гудок вырвал его из детства.

Красная, вызывающе бабская тойота «кентавр». Мокрое стекло опущено.

– Ерохин?! ...Ты? А я думала обозналась.

Он склонился к окну. Из серого полумрака взгляд выхватил спадающие рыжие локоны с каштановым отливом. Сумрак укрывал лицо, но память уже дорисовала изумрудно-зелёные глаза.

– Элина?

– Эли-на, – передразнила она растянутым баском, – Когда-то я была просто Элькой. Садись.

Он сел, погрузившись в запах косметики и новой машины.

– Ну здравствуй, Серёжа, – она жадно сканировала лицо, – А ты изменился. Поседел, – склонила голову набок, – Особенно на висках, – и выдохнула в грустной усмешке, – Да-а. Девятнадцать лет не прошли даром. Как там говорят? Седина украшает мужчин. Тебя точно не испортила.

Элька! Не может быть.

Буквально на днях он вспомнил её. И представил солидной, возможно располневшей дамой. Чьей-то матерью и женой.

А она всё та же – шустрая, рыжая, озорная.

– Элька, – протянул Сергей, – Ты как здесь? ...Как вообще? ...Как живёшь? Я даже не надеялся тебя увидеть.

– Видимо сильно искал. С ног сбился, – Она снова улыбнулась. И улыбка далась ей тяжело. Махнула рукой, – Не будем о грустном. Давай я тебя подвезу. Тебе куда?

– Да мне здесь... Неподалёку. ...До метро, – с трудом выдавил Сергей.

– Ну до метро, так до метро.

До метро на машине – рукой подать. Но слово за слово, и дорога, кружась и изворачиваясь, привела во двор многоэтажного дома.

Лифт открылся на шестом этаже. Элька выпорхнула. Щёлкнул замок.

– Ерохин, Заходи.

Крохотная прихожая, залитая мягким светом.

Направив Сергея в комнату, Элька юркнула на кухню.

Он остановился перед овальным зеркалом. Усталое напряжённое лицо с невесть откуда вылезшими морщинами у глаз и на лбу. Он расправил лоб, поиграл бровями и прошёл в комнату.

Бледно-васильковые стены с замысловатыми узорами. Невесомая тюль. Препоясанные шторы цвета морской волны. Сергей вспомнил своё голое окно в общежитии и вздохнул.

Уют, о котором он не задумывался, окутывал ласковым бризом, затягивал и растворял. Ерохин сел в кресло перед журнальным столиком и ощутил редкостное блаженство просто от того, что он здесь. Домашнее тепло исходило от стен, гравюр, расписных тарелок, брелочков и сувенирчиков; от бездны непонятных безделушек, расставленных по полочкам и уголкам нехитрой мебели. Откинув голову, он растёкся по плавным изгибам кресла.

– Не спи, Ерохин, – глаза с хитринками появились в дверном проёме, – Я быстро. Сейчас соображу чего-нибудь перекусить.

Сергей подскочил, словно нащупал гвоздь.

Вот тормоз. Развалился, как именинник. Надо в магазин смотаться, взять винца, закусок, фруктов.

– Я сейчас. Элин... Эля. Я мигом. Пять минут. – Шаг к двери был остановлен ладонью.

– Серёж, успокойся. Сейчас ты мой гость, и я наскребу чего-нибудь на ужин. Мы же не собираемся обжираться?

– Да... То есть нет, не собираемся.

– Ну вот и ладненько. Посиди минуточку, – она скрылась и тут же заскочила обратно, – Ты не против, если я оденусь по-домашнему? – В голосе слышались оправдательные нотки. Сожаление на лице. – На работе духота, заморилась я сегодня в шерстяной блузке и джинсах.

– Я только за! – Ерохин довольно осклабился.

Она погрозила кулачком и исчезла.

Вскоре со звоном вкатился стеклянный столик. Бутылку Киндзмараули окружали сыр и колбаска, сиреневые оливки, масляные шпроты, горчицная приправа в фарфоровой соуснице и большая тарелка с ломтиками разогретой картошки.

Процессию завершала Элька в сиреновом кимоно.

Было так хорошо, что Сергею пригрезилось, будто это и есть его дом, а картина семейного счастья повторяется ежедневно, долгие годы, но...

– Серге-ей, ало, ты что, заснул? – Элька стояла перед ним, потряхивая за плечо.

Ерохин удивлённо вздрогнул. И поднялся, ощутив тепло её дыхания.

– Я бодр, как стадо бизонов, – шепнул он в её ухо.

Затем присел, обхватив её ноги там, где плавная линия делает резкий изгиб. И поднял так, что грудь оказалась у его лица.

– Эй, эй, эй, гражданин Ерохин! Вы что себе позволяете? – игриво пролепетала Элька, постукивая кулачками по плечам Сергея.

Затем крепко обхватила его шею.

Как я мог прожить без тебя все эти годы?

Эта мысль ещё промелькнула словами. Затем он услышал рык, и почувствовал, как в нем просыпается животное – огромное, сильное, ненасытное.

Её дыхание стало прерывистым и неровным. Всё вокруг незаметно преобразилось. Вместо васильковых стен, их окружали серые своды каменной пещеры. Но двум проснувшимся животным не требовалось ничего иного.

Рывками одолев одежды, животные слились на соломе пещерного пола.

Он был тигром – большим, сильным и благородным. Она была пантерой – гибкой, игровой и почему-то рыжей. Во всём мироздании в этот миг не было никого, кроме двух неистово резвящихся кошек.

Вскоре исчезла и пещера и весь этот суетный мир.

Они очнулись в обнимку, на диване, в комнате с васильковыми стенами. Усталые, обесиленные, умиротворённые.

Совсем не так, по её задумке, должен был случиться этот вечер. Ужин, вино, беседы, лёгкие намёки, глупый смех и затажной поцелуй. Затем душ и широкий диван.

Но внезапно проснувшимся кошкам были чужды мелкие условности цивилизации, быта и гигиены, и они распорядились по-своему. Поэтому душ был принят после. А затем, бокалы на длинных ножках наполнились красным грузинским вином.

Разговор тек легко и непринуждённо, как журчащий весенний ручеёк.

Она, как выяснилось, бросив учёбу в институте МВД, снова пошла учиться, стала океанологом, побывала в экспедиции, пройдя по северному морскому пути, и теперь просиживает в кабинетной тиши за диссертацией о морских китообразных.

Говорили о прошлом и настоящем. Обходили острые углы. Она деликатно не спрашивала про разлучницу Юльку, Сергей отвечал тем же.

Но вскоре громко стукнули бокалы, и они выпили за удивительное совпадение – третий месяц свободной жизни. У него – после развода, у неё – после разрыва с «этим экземпляром».

Осушив бокал, Сергей выдал длинную фразу на английском. Элька закатила глаза, удивлённо повертев головой, но ответила тем же. Дуэль продолжилась, завершившись ничьей.

Тут Элька спросила, откуда у мурманского опера такие познания в языках.

Сергей сдвинул брови и примолк. Совсем не хотелось рассказывать.

Как пятнадцать лет назад, после подставы и увольнения, они с Юлькой перебрались в Мурманск (спасибо Можайский помог разрулить). На пятом месяце она потеряла ребёнка, и выжила лишь надеждой на переезд в Испанию. Сергей перебивался случайной работой в порту. Они подали запрос и учили языки. Она – испанский, он – английский. Сергей удивился своим способностям. Читал и смотрел в оригинале американские фильмы. Но переезд не случился. А вскоре стала разлаживаться и семейная жизнь.

Пауза затягивалась, и Сергей что-то невнятно соврал насчёт неудавшейся стажировки в Европе. Затем проявил большой интерес к китообразным.

И вскоре расслабился, слушая и наблюдая, как озарялось её лицо.

Сергей с интересом узнал, как умны дельфины, киты и особенно касатки. И радостно соглашался с тем, что они разумны, как люди, и даже разумнее людей, но не обладают технологиями, потому что не имеют такой потребности. Не агрессивные друг к другу, они не борются за деньги и славу, им чужда глупая конкуренция. Они не создают орудий и оружия, а царствуют в мире и гармонии ради жизни и любви.

На второй бутылке натужно скрипнул штопор, и выпив на брудершафт, они рассмеялись как дети.

Затем снова очутились в пещере. В этот раз в другой, светлой, с огромным проёмом, выходящим на залитый солнцем песчаный пляж с пальмами, островами и зелёной морской водой. Они выскочили на берег и с разбегу бросились в тёплую воду. В этот раз они были дельфинами и носились по бескрайним океанским просторам, кружась и уходя в глубину, затем шумно выскакивая с мириадами брызг. Сергей ощутил пьянящий вкус свободы, оказавшись в мире, где нет вражды и зависти, нет преступников и потерпевших, нет званий и должностей, нет власти и денег.

Они снова находили себя на диване, потом за маленьким стеклянным столиком.

Ночь близилась к концу. Они выпили ещё.

Сергею было мало всего: мало счастья, мало вина и мало Эльки.

Он опять был тигром, но...

– Серёженька, милый, давай ложиться. Спать осталось всего-ничего, а нам обоим завтра на работу.

11. День надежд

После третьего кофе глаза Ерохина расклеились. И даже округлились. Но мир виделся сквозь толщу воды.

Неожиданно появилась Мария Сергеевна. Та самая пенсионерка с видеозаписи, что Климов развернул на дороге. Сработало объявление по районному телеканалу, на которое никто не надеялся. Никто, кроме Ирочки Тюриной, которая составила текст, и даже лично отвезла в редакцию.

Напоминавший медведя-шатуна Ерохин, от радости сгрёб маленькую Ирочку в охапку и прилюдно расцеловал. И снова попал впросак. Потому что среди общего веселья, злобно и по-волчьи сверкнули глаза Полежаева.

Как прояснила потом Мурцева, у Юрия и Ирины было давнее общее прошлое, так и не сложившееся в семью. Затем каждый побывал в собственном браке. Но если у Ирочки он завершился быстро и безболезненно, то душевные раны отца двоих детей Полежаева ещё кровоточили разводом. Встреча в новом подразделении стала неожиданностью для обоих. Ирина отнеслась к этому спокойно, а Полежаев во всю пытался вернуть утерянное.

Опознав Климова, Мария Сергеевна помогла составить фоторобот его напарника с другой стороны улицы. Скуластый, большеглазый, с жёсткой торчащей шевелюрой.

Удивляло и радовало, как пенсионерка (хоть и в очках) сумела разглядеть такие подробности.

Пусть фоторобот не фотография, и вероятность совпадения по базе не больше трети, но день был воистину удачный, потому что сходу пробился гражданин Петербурга Астахов Семён Ильич.

Степанченко, давно и плотно друживший с мобильными операторами, получил все номера Астахова. В отличие от телефонов Климова, один номер оказался живым, и точка на карте светилась по адресу регистрации.

Ерохин едва не ущипнул себя за руку.

Собираясь на задержание, он жажнул ещё кофеина, до лёгкой тошноты. Но веки заплывали свинцом. И на выходе он крепко не вписался в дверной проём.

– Серёга, оставайся. Ты нужен здесь, в генштабе, – понимающе отшутились ребята.

Хабибуллин и Варёный убыли на задержание без него, в сопровождении двух бойцов ОМОН, прихватив с собой Байкалова.

Ерохину оставалось клевать носом и ждать. Временами потирать плечо. Ещё выстукивать турецкий марш и ломать карандаши.

Насупленный, и как всегда бочком ввалился Полежаев. Сергей вскочил навстречу.

– Юр... Ты того... Извини насчёт Ирины. Я не знал...

– Ты о чём? Не понимаю. – Искреннее удивление на лице. Словно действительно не понимал. Только хитрый прищур выдавал, что он рад тому, что теперь *это* понимает Ерохин. – Ладно, проехали. Мелочи жизни. Ты лучше скажи, что там за отряд спецназа мимо меня проскочил?

Ерохин улыбнулся, – Пробился телефон Астахова по адресу регистрации.

Задумчивый Полежаев опустил в кресло. И тут же подскочили оба.

– Да, Ренат! Слушаю!

По мере доклада, лицо Сергея, и без того не слишком свежее, стало как-то опадать.

– Как так? – раздосадовано спросил он, – Четвёртый этаж? ...Отработайте квартиру по полной.

Он поднял впалые глаза.

– При задержании Астахов выбросился из окна. Насмерть.

– Ни хрена себе, – Полежаев присвистнул и рухнул в кресло.

– Что, Ренат? ...Вы в квартире? Включаю громкую связь. Тут Юра рядом.

– Появилась жена Астахова. Обвиняет нас в убийстве и угрожает арестом. Заявила, что её муж служил в военной контрразведке.

– Боец невидимого фронта? – Полежаев вопросительно глянул на Ерохина, – Запрашивать будем?

– Не будем. – Ерохин махнул рукой, – На него уже досье собрали. Он такой же контрразведчик, как я казначей Ватикана.

– Гады! Менты! Вас всех посадят! – послышался истерический женский голос. С той стороны также работала громкая связь.

Сидели молча. Полежаев упёрся в окно стеклянными глазами.

В комнате отдыха расстроенная Тамара припала к фарфоровой чашке, силясь удержаться от сигареты. Ерохин налил себе зелёный чай.

Заслышав топот из коридора, они переглянулись. Ввалился Степанченко. Взъерошенный и запыхавшийся, он в два шага приземлился у столика.

– Я проверил малтфон Астахова. Он общался с покойниками.

Поперхнувшись, Мурцева громко поставила чашку, – Это как?

– Известный трюк. Дублируют симку умерших, и пользуются, оплачивая номер. И концы в воду... вернее в землю.

Ерохин грохнул ладонью о стол.

День надежд завершился бесславно. Усталые сотрудники расходились по домам.

А Ерохин, обычно уходивший позже остальных, сейчас выскакивал из подземного перехода.

И через полчаса стоял на шестом этаже, где по ту сторону двери его уже ждал милый семейный ужин.

12. Дача в ближнем Подмоскowie

– Погодите же. Это вольная интерпретация моих слов. – Профессор аккуратно поправил седую шевелюру, – Я лишь хотел сказать, что книга не историческая, а скорее художественная. А по некоторым главам я вообще не могу быть экспертом – там требуется геолог. – Он поднялся, глядя на стоявшего человека с интеллигентным лицом, годившегося ему в сыновья, – Вы сами её читали?

Блики окна в очках собеседника скрыли его глаза, и профессор машинально прищурился.

– А зачем? Я Вас нанял экспертом. – мягко улыбнулся его собеседник, – Так что? Книга противоречит современной Египтологии?

Профессор опустил в комфортное рабочее кресло, и продолжительно выдохнул через щелочку губ.

– Понимаете, всё зависит от подхода. Если бы это была научная работа, то от автора потребовали бы доказательства. И уверяю Вас, он не сумел бы их привести. Но для книги художественной, наоборот, доказательства требуются для её опровержения. А таких доказательств не существует. – Он эффектно откинулся в кресле, но стукнувшись его спинкой о край стола, придвинулся вперёд. – Скажу честно, мне понравилась эта интерпретация. Пусть автор и предвзят, но хорошо владеет предметом. Я был бы не против с ним побеседовать. Может откроете занавес – кто автор?

– Вы.

Профессор сопроводил недоуменным взглядом гостя, наконец соизволившего сесть в кресло напротив, затем произнёс, – Не очень уместная шутка.

– Это не шутка. – Гость подкатил в кресле к краю профессорского стола, бесцеремонно взял блокнот, откинул страницу и что-то написал. Искушенный переговорщик, он даже в кабинете профессорской дачи не озвучивал цифр.

– Что это? – профессор глянул из-за плеча на придвинутый блокнот.

– Американские доллары. Или евровалюта. Можно в рублях, с поправкой на курс.

– Ну, знаете ли! – Профессор вскочил и откатившееся кресло грохнулось о стол. – Одно дело поработать экспертом! – возбужденно декламировал он, оттаптывая пол между столом и окном, – Я ученый! Известный ученый! Максимум, что я могу сделать – написать рецензию. Но ни за какие деньги не соглашусь поставить свое имя на обложке этой спорной книги...

– Этого и не требуется, – со спокойной улыбкой гость приписал к немалой сумме еще один нолик. – Книга уже отпечатана и не претерпит изменений. А также не появится в магазинах и на интернет-площадках. Она назначена узкому кругу, с которым вы вряд ли пересечётесь. Ваше имя сопроводит её устно. Проще говоря – слухами. А это, как известно, бывает покрепче бумаги.

С неприязнью и негодованием в лице профессор медленно приближался к столу, глядя в блокнот, где гость вырисовывал жирные точки между тройками цифр обновлённой суммы.

Гость поднял честный взгляд, – А слухи имеют одно чудесное свойство. Их можно опровергнуть.

Профессор грузно опустил в кресло и осел плечами.

– Вы хотите сказать, – устало произнёс он, – Что предлагаете мне такие деньги лишь за слухи, которые я могу опровергнуть? В чем тогда подвох?

– Подвоха нет. Есть одно маленькое условие.

Профессор сверкнул глазами и напрягся, глядя как собеседник пишет новую строчку, теперь отделяя по две цифры.

– Вы не можете что-либо опровергать до этой даты. Ни при каких обстоятельствах. Согласитесь, это не большой срок... Для такой суммы.

Округлившимися пустыми глазами профессор прошелся по нижней строке, затем застыл на верхней, пытаясь осмыслить сумму в привычных эквивалентах. Но так и не сумев, поднялся.

– Нет... Это слишком... Я требую объяснений. Мне это не по душе. Причем здесь наука? Это интрига какая-то... Какая-то непонятная игра.

– Именно! – собеседник азартно блеснул очками. И лицо его более не казалось интеллигентным. – Пусть будет игра. Игра с высокими ставками. Считайте, что выиграли в ней научный грант. Я удваиваю сумму. С такими средствами вы легко организуете собственную экспедицию. Даже без огласки маршрута. Купите лицензию, и будете исследовать окрестности Амарны. Разве не об этом вы мечтали? А вернувшись в указанный срок, опровергнете любые слухи.

Профессор молча опустил в кресло с напряженным сомнением в лице. Раздумывая, он машинально перекинул резную обложку, отбросив несколько страниц, и бессмысленным взглядом упёрся в уже читанный текст.

«Раскатистый, неожиданно громкий голос расколол предрассветную темноту.

– О могущественный Ра-Хораhti...»

13. Древний Египет. Ахетатон. 17 год правления Еретика. 1353 год до н.э.

Раскатистый, неожиданно громкий голос расколол предрассветную темноту.

– О могущественный Ра-Хораhti, воссиявший в имени своём Шу! Ты и есть Атон, дарующий жизнь и возрождающий из небытия! Ты даёшь свет и выводешь из мрака тьмы!

Атон – зримое проявление единого и единственного бога, услышал начало молитвы – грязно-серое небо на востоке подёрнулось синеватым отливом. Серая от ночного мрака, статно сложенная фигура царя, медленно опускалась, склоняя простёртые к небу руки. Стоявшие сзади валились на колени.

Едва силуэт правителя слился с горизонтом, как взору чужестранца Хануфы, удостоенного чести быть на молитве фараона, открылся вид, вызвавший сомнение в реальности происходящего.

Линию на востоке, отделявшую сизое небо от чёрной пустыни, рвал клинообразный вырез, уходивший ниже горизонта. Излом располагался по центру, куда и были направлены взоры. Словно неведомый исполин клинком вырубил в горизонте зияющую дыру, через которую просматривалось светлевшее голубовато-жёлтое небо.

Хануфа сглотнул и огляделся. Привыкшие к темноте глаза уже различали лица. И царившее спокойствие говорило чужестранцу, что ничего необычного не происходит. Хануфа, уважительно поставленный в первый ряд хозяином церемонии, стал с любопытством наблюдать.

Фараон чинно возносил молитву. Подрагивала высокая двойная корона – символ единения северных и южных земель. Внешняя корона повелителя севера, ещё недавно чёрная на фоне ослепительно белой короны юга, отливала слабой краснотой, пока не окрасилась пунцовым цветом. Ветерок потрёпывал полосатый клафт на плечах живого божества.

Небо светлело, и острие рассечённого провала уже заливалось янтарным заревом, предвещая этот странный восход.

Едва в щели сверкнул оранжевый блеск, как верховный жрец Атона – фараон Эхнатон поднялся и выпрямился. Хануфа вздрогнул, но спокойствие остальных вернуло его колено в сырой песок.

Фараон закончил молитву и замер, отбрасывая длинную тень на истоптанный серый песок. Он медленно поднял голову и протянул руки к небу. Ярко блеснули ладони. Пару минут он омывал руки живительным светом. Затем обернулся к подданным.

– Всемогущий Атон вновь смилостивился над нами и возродил жизнь после мрака ночи.

Все бодро поднимались с колен прославляя бога и правителя.

– Слава великому Атону!

– Да здравствует Эхнатон, сын небесного Атона, бог для живущих, да будут долгими лета его!

– Слава Атону!

– Слава!

– Слава Эхнатону!

Показавшийся над горизонтом край оранжевого диска уже золотил стену большого храма Атона, когда Хануфа разглядел, что линия, которую он искренне принял за ночной горизонт, оказалась ровной, как по шнуру отгёсанной вершиной горного плато, охватившего долину Ахетатона большим полукругом, краем которому был берег величественного чёрного Нила. А клинообразным провалом в центре оказалось ущелье вáди – высохшего русла горной реки, проистекавшей мощным потоком в незапамятные времена и рассёкшей цитадель восточных предгорий. Ступень горного плато находилась в десятке километров восточнее храма и образовывала ложный горизонт с провалом в ущелье.

Южнее, пёстрым ковром домов, храмов, дворцов, дорог, стел и обелисков, раскинулся бескрайний Ахетатон, подкрашенный розовым сиянием утра. На пустынном месте, зажатом между горными изгибами и большой рекой, где двенадцать лет назад ещё властвовали сухие ветры пустыни, выросла столица, затмившая размахом, изяществом и великолепием все известные города от Нубии до воинственных хеттов.

Ещё недавно, в столь ранний час, из тесных кварталов к восточным каменоломням текли цепочки строителей и каменотёсов. По притенённым раскидистыми пальмами дорогам, укатанным щебнем и горной смолой, тянулись повозки с фруктами, рыбой, зеленью, вяленным мясом, зерном, маслом, посудой, папирусом, паклей, льном и прочим товаром, что расплзётся до заката по домам, мастерским, хижинам и храмам. К каменным причалам тянулись рыбаки. В ожидании барж и судов набивалась людом городская пристань.

Нынче великий город опустел и медленно возвращался к жизни. Неслыханная ранее хворь, налетевшая невесть откуда пару месяцев назад, выкосила четверть жителей. Хворь прекратилась внезапно, как и началась. Но страх остался, питаемый слухами и домыслами, расплзавшимися, как юркие аспиды в песке.

Злые языки исподтишка обвиняли фараона, толкуя мор гневом свергнутых богов.

Писцы и чиновники, оглашавшие царские указы, называли сей знак карой Атона, в наказание тем, кто втайне поклонялся старым богам, фигурки которых, то здесь, то там изымала бдительная стража.

И поэтому, для изгнания страха из людских голов, владыка обоих земель Эхнатон лично воздавал молитвы небесному отцу, взяв себе титул верховного жреца Атона.

Хануфа, посланник дружественной земли Ханаан не боялся хворей, как новых, так и известных. За долгую жизнь, познав бремя войн, невзгод и лишений, он видел пылающие города и полчища бедуинских стрел, смердящий чад трупов налетевшей оспы и разящие мечи пришлых армий.

Он был старше правителя Египта и его память хранила то, что разделило привычный мир на «до» и «после». И единственным воспоминанием, леденившим сердце Хануфы, был ужас Великой Тьмы, случившейся тридцать три года назад, когда фараону довелось появиться на свет.

В кошмарных снах его не отпускала Тьма – вязкая, пепельная, тошнотворная, смешавшая мир в единое чернильное месиво.

Жуткий вой шакалов. Визг собак. Бессмысленный трепет птичьих крыльев. Неистовое ржание сорвавшихся лошадей. И леденящие крики предсмертного ужаса.

Сколько времени это длилось: неделю, две, или больше – точно не знал никто.

Хануфа не помнил ухода Тьмы. Его спасло беспомыслие. Болезненное беспомыслие на глинобитном полу крохотного дворика.

Годы спустя, он не раз слышал в сбивчивом шёпоте озирающихся странников, что Тьму рассеял один египетский бог, ранее забытый людьми. И бог этот, вознёсшийся к солнцу, единственный и настоящий, скоро свергнет всех надуманных богов и воссядет на небесном троне.

Во времена солнцеликого Эхнатона, он узнал имя этого бога.

И только теперь, на рассвете десятого дня третьего месяца сезона Ахёт, Хануфа исполнил наказ жреца: он прижал левую ладонь к шершавой стене главного храма Атона, а правую раскрыл и подставил живительным его лучам.

И чудо свершилось – страх исчез.

14. Биофактории

Счастье изменило уклад. Теперь, когда стрелки часов вытягивались в линию, Ерохин выжидал ещё томительных пять минут, и вылетал вслед за лидерами вечернего спринта Мурцевой, Тюриной и Варёным.

Хоть семейная жизнь уже входила в обыденное русло, он не мог насытиться вечерами и разговорами за кухонным столиком.

Этот вечер пошёл не так. В Эльке улавливалась скрытая суетливость с налётом угодливости. Да и стол не назовёшь обыденным. Бутылка вина, оливки, греческий салат, маринованная фасоль и полная сковорода жаренного мяса с луком. Как и любил Сергей – только мясо и лук.

А повод? – думал он, орудуя штопором, – *Может я что забыл? ...День рождения не скоро. ...Дата нашей встречи не круглая.*

– Ну, Серёженька, за нас с тобой. – Элька заискивающе улыбнулась, протягивая бокал.

Сергей отхлебнул и зажмурился, раскусывая румяный прожаренный кусок. Откусив, открыл глаза. Мясо было необычно мягким. Задумчиво дожёвывая, он пытался понять странноватый вкус. Изрядно сдобренное специями и луком, оно отдавало незнакомым слащавым привкусом.

– Вкусно, – соврал Ерохин, – Это, что, свинина?

– Нет, говядина. – Элька хитровато прищурилась.

До Сергея стали доходить и суета, и улыбочки. Он с трудом проглотил разжёванный кусок и залпом осушил бокал. – Это что, то самое? ..Которое по телевизору?

– Ну да. Надо же приобщаться к современным продуктам. Да и рацион разнообразить полезно.

Помявшись, Сергей решил не обострять. – Ладно... разок можно поесть и искусственного мяса.

– Оно не искусственное, – Элька обрадованно протянула пустой бокал, – Самое, что ни есть настоящее, только произведено без зверского убийства разумных существ. Разве это плохо? Гуманный и современный продукт биофакторий. Спасение человечества от голода и тяжкого бремени жестокости.

Сергей молча разлил вино. После третьего бокала гуманный продукт уже не казался таким противным.

– Ну что ты, Сереж? Это с непривычки вкус кажется неприятным. На самом деле он просто другой, более чистый. Вкус еды не на языке, а в голове. Ешь мы с детства гуманные продукты, то мясо со скотобойни вызвало бы рвоту и понос.

– И тебе приятного аппетита, – пробурчал Сергей, положив вилку на край тарелки.

– Ну извини. – Элька грустно вздохнула и потупив взгляд стала убирать со стола. – Яичницу пожарить?

Меньше всего Сергей хотел её обидеть. Гулявшее в жилах вино подталкивало к примирению. – Эль, а давай ещё винца. Там оставалась бутылка. И сковородку давай обратно. Попробую ещё разок гуманный продукт, – улыбнулся Сергей, спасая вечер.

Она поставила сковороду без особого энтузиазма и молча достала вино. – Не надо, Серёж. Тебе ж не понравилось, будешь давиться ради меня.

– Да погоди ты. Я просто не распробовал, – Сергей протянул руку к бутылке. Он мучительно искал слова, чтобы вернуть Эльку к началу вечера и без задней мысли спросил, – Слушай, а как его делают? Ну мясо это без коровы?

Элька пригубила вина. – Выращивают из клеток на специальных питательных средах. Для медицины ткани выращивают давно. Но промышленно, как продукты питания – меньше десяти лет. А лет шесть – семь назад случился прорыв: три мировых гиганта, практически

одновременно вырвались на глобальный продуктовый рынок. Это кажется экзотикой, но мировые объёмы их производства уже превысили традиционную мясную продукцию.

– Надо же, как всё серьёзно, – ляпнул Сергей для поддержания разговора, – А я думал, это новомодное баловство.

– Это революция. Очередная ступень развития человечества. Кроме того, это снимает угрозу голода и снижает выбросы в атмосферу. И всё благодаря микробам и генной инженерии.

– Это как? – спросил слегка окосевший Сергей, уже мало-мальски привыкший к новому вкусу, изрядно сдабриваемому терпким вином.

– Глобальное производство мяса началось с производства питательных сред. А это стало возможным благодаря особым микроорганизмам, которые перерабатывают целлюлозу, углекислый газ, связывают атмосферный азот и вырабатывают эти самые питательные бульоны. А другие микроорганизмы очищают отработанные среды.

Тут Сергей понял, что любопытство его подвело. Гуманный продукт, выращенный из клеточных культур на микробных бульонах, колыхнулся в желудке и рванул вверх. Ерохин обхватил рот и помчал в туалет, едва не растянувшись в коридоре.

– Прости Сережа. Господи, какая ж я дура.

– Это ты меня извини. Наверное, вина перебрал.

– Какое там вино? Ладно, давай сменим тему.

Смена темы оказалась оригинальной.

– А знаешь, что ещё производят биофактории?

Сергей умоляюще посмотрел на Эльку, когда та старательно разливала чай.

– Их основные доходы – в непищевом секторе. Это натуральные меха и кожи, которые выращиваются и поставляются рулонами. Горностай, шиншилла, змеиная кожа, крокодилова кожа в неограниченном количестве и без каких-либо звериных или крокодиловых ферм. Генные модификации позволяют получать меха и кожи разных цветов. Представь себе: сумка из натуральной кожи красного крокодила.

– Да? Надо же, – облегчённо выдохнул Сергей, поддерживая на лице маску заинтересованности.

– А ты об этом не знал? Огромный рынок, гигантские инвестиции. По оценкам аналитиков, их доходы уже соизмеримы с доходами мирового автопрома. Вот как. Но кожи и меха – не самое главное. Святая святых – секретнейшие технологии, охраняемые похлеще военных – выращивание тканей слоновых бивней, носорожьих рогов, черепаших панцирей и прочей экзотики. Причём выращиваются не сами бивни или панцири, а ткань, что позволяет менять размеры и формы. На пористом субстрате выращивается ткань слоновой кости, или панциря черепахи. Так можно получить, например, столик или кубок из слоновой кости. А знаешь, что побило рекорд стоимости на прошлогоднем лондонском аукционе?

Сергей вопросительно кивнул.

– Кресло из черепашого панциря, ответила Элька, – Цельное, представляешь? Всё в квадратиках. Необыкновенное зрелище. Неужели не слышал? Правда, пока это аукционные раритеты, доступные лишь арабским шейхам да промышленным магнатам. Но технологии стремительно развиваются.

Сергей пытался представить это кресло, но смутный силуэт ускользал, а в голове вырисовывался огромный черепаший панцирь, покатый, и крайне неудобный для задницы.

– Серёж, чего молчишь? Тебе не интересно? Заболталась я совсем. А у тебя на работе как?

– На работе? – Ерохин зевнул, прикрыв рот ладонью. – На работе... нормально. Да! На работе... – Он снова зевнул, протяжно, в голос, мотнул головой и глянул на Эльку влажными глазами, – Эль, давай завтра расскажу о работе. Что-то меня вырубает не по-детски. Я наверно пойду стелиться, ладно?

15. Сто тринадцатое ОВД. Кировский район Ленинградской области

Лодочник говорил много и обстоятельно. Жестикулировал натруженными ладонями, изредка поглаживал плотную седую бороду. Ему внимали чуткие лица.

– А как Семёныч появился, это почитай дней десять прошло, так я ему и рассказал. Да и то не сразу. А через пару дней, как вспомнилось. Чаёвничали мы. А до этого кому рассказать? Митьке алкашу? У того одна водка на уме. Я б его метлой поганой гнал, пока он базу не спалил по пьянке. Да Семёнычу он племянником приходится, вот и пристроил ко мне в сменщики.

– И что сказал Семёныч? – перебил Сдобников, глядя исподлобья.

Рассказчик осёкся и удивлённо вскинул брови. – Извиняюсь, товарищ старший лейтенант, заболтался. Так вот, Семёныч мужик грамотный, отставной подполковник МЧС, – крепкий старик вскинул указательный палец с треснутым желтоватым ногтем, – Он мне и сказал, что мол агентство это, по безопасности авиаперевозок, розыском не занимается, мол у них даже подразделений таких нет, это мол дело полиции, или спецслужб.

– Они вам документы показали? Удостоверения?

– Вот тут я промашку дал, – он досадливо колыхнул седой шевелюрой и стукнул кулаком по колену, – Не спросил даже. Быстро всё завертелось. Когда я из ворот вышел, у них уже лодки на воде стояли, приборы на берегу разложены. Их человек десять было, ребята спортивные, крепкие. На двух больших черных машинах. Старший у них, мужик представительный, виду военного, назвался начальником оперативного отдела этого самого агентства. Сказал, что по их информации, на территории базы преступники спрятали бортовой самописец, похищенный с разбившегося самолёта. Расспросил меня. А я ни сном, ни духом. Пару часов они реку утюжили эхолотами. Металлоискателями берег прошли. Лес прибрежный обшарили, двор, гараж, в подсобки заглянули, а один даже на чердак слазил. Ну я поверил, помогал чем мог.

– Пропало что-нибудь? Имуущество пострадало? Претензии к ним имеете? – недовольно спросил лейтенант с красными слезящимися глазами и высморкался в платок.

– Претензий никаких. Уехали честь по чести. Попрощались. С тех пор я их больше не видел, уже и позабыл бы. Да дня два назад – я в кухне хозяйничал, вижу в окно – машина, синяя, легковая. Да мимо ворот, сразу к причалу. На порог вышел, гляжу – мужик с девкой. У девки в руках лопата, а у него пешня вроде – не разглядеть. Меня увидели, и к машине. Пока я до ворот дошёл, они уж и проехали. Номер я разглядел и записал.

– От нас отец чего хочешь?

– Чтоб заявление приняли.

Старший лейтенант Сдобников откинулся на спинку кресла, растёкся ядовитой ухмылкой и дёрнув головой, метнул взгляд на сморкающегося лейтенанта. Тот скомкал платок и гундосо спросил, – О чём? О чём заявление, Василий Захарович, если ничего не случилось?

– Э нет, господа-товарищи полицейские, так не пойдёт. Непорядок. Я сам из староверов буду, привык по совести да по закону. Всю жизнь лесником да лодочником – работа ответственная. Сейчас вы говорите – зачем заявление, раз не случилось. А как случится, так следователь с меня спросит, чего мол сразу не заявил. Да и Семёныч велел написать. А он мне начальник.

Лодочник надел очки, расправил сложенный листок с ровными крупными строчками, и решительно придвинул его Сдобникову.

16. Всего один шлюз

Сидя во главе стола, Полежаев протянул распечатки опоздавшему Ерохину.

– Ира в оперативной базешла. Выложили вчера, в семнадцать двадцать.

Сергей жадно глотал скупые строки: «113 отделение... лодочная станция «Морена»... агентство по безопасности авиаперевозок... бортовой самописец... две черных машины... синяя «ауди»... лодочник Петров Василий Захарович...»

– Надо пробить «ауди». И ещё – надо позвонить этому Петрову, – скороговоркой выпалил он.

Полежаев довольно расплылся, сцепив ладони на затылке и откинулся в кресле.

– Пробыли. Старенькая лада Калина. В общем, номера краденые. А за лодочника ответил Сдобников из сто тринадцатого. Петров у них телефон забыл.

Ерохин сверкнул глазами, – Юра, помчали! Надо поговорить с этим лодочником. И сюда для фотороботов.

Правая створа ворот, с виду закрытых, распахнулась порывом ветра и с размаху врезала по коричневым доскам забора лодочной базы. Бесхозно брошенные ворота изменили планы.

Два ряда ловких прыжков по укатанной щёбёнке. Угол большого деревянного здания. Сергей пригнулся, проскочив под окном, и выпрямился, взлетая по ступеням.

Полежаев толкнул незапертую дверь, и они проскочили не столкнувшись, как два зубца шестерённого механизма. Стволы по сторонам.

Дом оказался пуст. Выйдя, они направились в разные стороны двора.

– Серге-ей! Сюда! Он здесь!

За приоткрытой дверью тёмного ангара, у возвышавшейся на опорах пластиковой лодки, он разглядел затылок присевшего на корточки Полежаева.

– Готов, – обречённо сказал тот, убирая пальцы с шеи лежащего навзничь старика, из-под которого растекалась лужа белой краски со зловещим бардовым пятном.

Сергея затрясло в бессильной злобе. Он излился отборным матом куда-то вверх и грохнул по стене ангара.

На слегка одутловатом лице Полежаева проступили красные пятна.

– Утечка? – растерянно бросил он.

Эхо ангара исказило надрывный голос майора Ерохина.

– Это же закрытая оперативная база! Со слов Степанченко она даже не связана с интернетом. Всего один какой-то шлюз...

– Надо вызывать криминалистов, – гулко сказал Полежаев, – Звони Байкалову. И Варёный пусть тоже едет.

– На полу следов не обнаружено, – деловито отчитывался Байкалов, – Выстрел один, в лоб, сверху вниз. Старик сидел на стульчике и красил лодку. ...Откатать протекторы попробуем, но трава...

– За базой надо установить наблюдение. Круглосуточное, – уверенно сказал Полежаев.

Ерохин почесал макушку. – А смысл? Они сюда не вернуться.

Варёный согласно кивнул.

– В заявлении сказано, что приезжали две группы: на черных внедорожниках и на синей ауди. Вероятно, между собой не связаны. Лодочника устранили либо первые, либо вторые, – аргументировал Полежаев.

– Либо третьи, – тихо промямлил Ерохин.

– Что?

– Нет, ничего. Я тебя услышал, логика есть. Обратимся к «небесным очам», пусть гоняют дроны, – он безнадежно махнул рукой, – Поехали в Управление.

Юрий недовольно посмотрел на Ерохина. – Пока первый дрон не зависнет над базой, я отсюда не уеду. Так что, давайте без меня.

– У тебя ноги мокрые, уже третий час как в холодную воду оступился, – строго произнёс Сергей, – Ты хоть носки выжал? – и немного подумав, добавил, – Остаётся капитан Варёный!

Багровый Полежаев втянул голову в плечи, и прорычал, – Хорош включать большого начальника! Я сказал останусь – значит останусь!

– И чёрт с тобой! Оставайся! – рявкнул Сергей тем же тоном.

17. Древний Египет. Ахетатон. 17 год правления Еретика. (продолжение)

Хануфа не сразу понял, отчего сорвавшиеся на бег люди – высшая знать Египта, сгрудились левее храмовых ворот, где только что завершилась молитва. Они наваливались на спины друг друга, как стая скарабеев, учуявших навозный шарик в бесплодной пустыне.

Сообразив, что происходит нечто страшное, он бросился, увязая ногами в песке. Несколько человек кинулись в сторону колесниц и в кругу суетящихся образовалась прореха.

Голова царя покоилась на ногах его дяди, вельможи Эйе, сидевшего на песке. Царь был слишком бледен. Распахнутые глаза временами щурились, а тело пробивало мелкой дрожью.

– Успокойся повелитель. Отчего так неистово бьётся твоё сердце? Великий Атон посылает тебе ещё один знак. – Эйе пытался скрыть волнение, – Вслушайся. Ты единственный, кто может услышать.

На алебастровом лице фараона проскользнула тень улыбки. – Звук большой воды утих навсегда.

– Тяжела твоя ноша. Ты устал, и мрачные мысли одолевают тебя. Ты услышишь знак в другой раз. Он всегда приходил неожиданно.

Эхнатон слабо улыбнулся, как растворяющаяся в рассветных лучах звезда. Его голос был едва различим на фоне утренних шорохов, – Это и есть знак. Знак Атона. Знак истечения времени.

* * *

Тучный Эйе тяжело опускал плетёные сандалии в белую пыль узкой горной дороги. После долгого молчания, он сказал:

– Когда Атон изъяслял свою волю, фараон слышал голос большой воды.

Дорога к царской усыпальнице вдоль ущелья по руслу вади была проложена недавно, и на скорую руку. Ноги Эйе отвыкли от ходьбы и плохо слушались, а временами он спотыкался, хватаясь толстыми пальцами за руку посла. Шесть километров растянулись в четыре часа пути – единственного, что Эйе должен был одолеть пешком.

Встречный ветер сносил пыльные клубы к нескончаемой траурной процессии. Они шли первыми в людской цепи, вслед за драпированным голубой тканью паланкином нового земного бога – фараона Семнех-Ка-Ра. А впереди, двадцатиногим кораблём плыли погребальные дроги, гружёные золотым саркофагом Эхнатона.

Извилистая дорога медленно поднималась вверх и завершилась утоптанной широкой площадкой. Пыльные дроги стали напротив чернеющей дыры в холмистом песчанике.

– Голос большой воды когда-то привёл фараона сюда, где не найти даже костей шакала. – Эйе жадно хватал горячий воздух, – Такова воля Атона. – Он вскинул ладони к нещадному полуденному солнцу, затем вытер потное лицо жёлтым платком. Поморщившись от едкой пыли, скосил взгляд на внимательно слушавшего посла, – Когда строился великий город, место для царской гробницы было там, – он указал пальцем в сторону Ахетатона, – На откосе скалы южного некрополя.

Эйе, как и всякий знатный египтянин, всю жизнь готовящий место своего погребения, туманно улыбнулся с налётом зависти, – Оттуда, как на ладони виден город. И большой изгиб Реки. И остров с зелёными нивами. И всё это – в золотом свете заката. Разве можно возжелать лучшего места для усыпальницы?

Он тяжело вздохнул и обвёл суровым взглядом безжизненный пейзаж ущелья с зазубринами холмов, продуваемых раскалёнными ветрами.

Гиблое место, – подумал Хануфа, и спросил, пользуясь откровенностью божественного отца, – А откуда он, этот голос воды?

Эйе впился маленькими влажными глазками и пару минут смотрел молча. Хануфа поёжился, решив, что спросил лишнего, затронув щекотливую тему. Ему, чужестранцу, лучше бы держать язык за зубами. Но Эйе ответил.

– Голос падающей воды он слышал с детства. А с ним приходили судороги и озноб. В раннем детстве звук был особенно силён. Он катался по полу и кричал, затыкая уши руками. Но звук был в голове. Родители призвали лучших лекарей. Его лечили, но тщетно. Тогда я. – Он ткнул себя в грудь пухлым пальцем, – Я первый распознал в его припадках знак богов. Мне не поверил даже его отец. Только мать юного Аменхотепа, – он снова пересёкся взглядом с посланцем, – Тогда его ещё звали Аменхотеп.

Хануфа согласно кивнул. Эйе продолжил, немного отдышавшись, – Так вот, только сестра моя, царица Тийи, поверила, и то не сразу. С годами наследник понял, что этот знак шлёт ему Атон. – Эйе умолк, задумавшись о чём-то. – А в последние годы звук стал стихать. Он был, но становился тише и мягче, словно порог божественной реки снижался со временем, и река умирала свой ход. А за два дня до этого... он сказал мне... но я не поверил, – лицо его светло глубокими морщинами, глаза помутнели, – Вернее, я не мог позволить себе поверить. ...И не верить не мог, – он смахнул слезу высохшим на ветру платком, – Он был так молод. Я молился и надеялся на милость Атона.

Тут Эйе осмотрелся по сторонам, и оставил посла, увидев второй паланкин, только что поставленный четырьмя эфиопами.

Из-за отброшенного полога показалась юная царица Меритатон и черноволосый мальчик с утончённым лицом. Грузный коротышка Эйе, широко улыбаясь, распростёр руки навстречу бегущему внуку – наследному принцу Тутанхатону.

Положение Эйе при дворе не изменилось, так как на трон сел его второй племянник. Не изменится оно и через пару лет, когда, сменив имя в угоду вернувшему былую власть жрецам Амона, на трон взойдёт его девятилетний внук Тутанхамон.

Пока Хануфа взирал на окружавшую суету – рабочих, затаскивающих саркофаг в скалу, бритоголовых жрецов Атона, чинно воздающих молитву, его никак не отпускал вопрос, который так или иначе задавал себе каждый участник церемонии.

Почему фараон обрёл пристанище именно здесь, в столь ужасающе гиблом месте?

До ответа оставалось три тысячи триста лет. И находился он далеко на севере, где хлестали песчаный берег волны холодного моря, а широкая река несла воды огромного озера в узкую бухту морского залива.

И не было еще имён ни у озера, ни у реки, ни у залива.

А были ветер, вода, песок, да смолистые прибрежные сосны.

18. Ночной звонок

Элька потянулась сладко и похотливо. Перекатилась к лежавшему на спине Сергею. Он тихо шепнул, – Эля, всё, я пас. Ты выжала меня, как тюбик.

Она презрительно ткнула пальцем в плечо. – Слабак!

Сергей повернулся, и широко улыбаясь, вопросительно уставился в упор. Скорчив рожицу, она помотала носом и перевернулась на спину. Спать не хотелось никому. Также, как и остального. Элька вытянула руки за голову, подцепив ногтями складку дивана.

– Слушай, выжатый тюбик, а давай в выходные ходим в театр? Или в оперу.

– Лучше в театр.

– Замётано. Только я выбираю.

Затем долго молчали. Копавшийся в сознании червь не давал Сергею уснуть. Бессонницы начались со смертью лодочника.

Свои! Что может быть хуже? Как отследить? Доступ к базе имеет половина тех, кто в ментовских погонах, плюс следаки, плюс прокурорские, плюс... плюс... Бесполезно. Хрен отследишь.

Эльку же в последнее время угнетало чувство тревоги, какой-то подспудной нарастающей опасности.

Эти странные расследования. Как чемодан без ручки. Или не чемодан, а ящик. ...Ящик Пандоры. Фу ты!

Изгоняя глупые мысли, она жутко захотела помочь, взять на себя хоть ничтожную часть тяжкого бремени Сергея.

Перевернувшись на бок, он тихо сказал, – У нас сейчас дежурства ночные, пока дроны висят над базой. Завтра мне в ночь.

– Где вы, и где база? Какой смысл в ваших дежурствах?

– Мостовой выбил вертолёт и трёх омоновцев в круглосуточной готовности. Должен быть и кто-то из наших. – Он помолчал и добавил между прочим, – А тут ещё Юрка заболел.

– Чего?

– Простуда. Или грипп. Врачи разве скажут? Температура второй день зашкаливает.

На звук служебного вызова они напряжённо переглянулись.

– Да, Ренат! ...Появились? ...Ага... Двое? ...Ага ... Полежаева не беспокой. ...Мало ли, что просил. Больной пусть спит. ...Уже на вылет? Давай, Ренат. И братъ – только живыми. ... Понятно, сам знаешь.

Живыми! Только живыми!

Но что-то шемило в груди – живыми вряд ли удастся.

– Серёж, что случилось?

– Появились. Похоже та же парочка. С фонарями, лопатами, металлоискателем, – Сергей набрасывал одежду, – Эль, я в Управление.

Изящный «Орлан» подрагивал в белом круге вертолётной площадки на крыше Управления. Как присевшая стрекоза, лениво трепещущая крыльями.

Удар воздушной волны едва не сбил капитана с ног. Вытянутая капля прозрачного салона, внутри оказалась вполне комфортной. И тихой. Нет, звук конечно был, но говорить не мешал. Хотя говорить было не с кем. Три амбала в масках, упакованные по последнему слову армейской техники, словно их собирались выбросить в афганских горах, напоминали зомби. Они, казалось, спали с открытыми глазами, и отвечали коротко и односложно.

Неполная луна пронеслась сквозь драные облака. Россыпями огней и лентами дорог мерцали окрестности ночного мегаполиса.

Луна медленно сползла к хвосту.

– Внимание! Заданная координата. Снижение.

Вращение усугубило свербящую невесомость лифта. В полу распахнулся люк, и канатная лестница полетела вниз. Бойцы исчезли в развершейся бездне.

Пока Хабибуллин, чертыхаясь и ловя ногами ускользящие перекладины спустился вниз, гвардия рассредоточилась по плацдарму. Взору капитана, умудрившегося на спуске потерять очки ночного видения, предстал исчезнувший над лесом вертолёт и две мутные фигурки, мечущиеся у берега на фоне серой реки. Своих бойцов он не видел.

Война шла нормально, вмешательства генерального штаба не потребовалось.

* * *

Усталый, но довольный, Ренат ввалился в кабинет Ерохина под утро.

– Серёга, ты не поверишь! Для двух наших хлюпиков прислали бронированный автозак. Я таких сроду не видел. Террористов в них что ли возят? Представляешь, какой слушок о нашей группе ходит?

– Да, хрен с ним, – прервал Ерохин, – Рассказывай.

Капитан скис и махнул рукой.

– Мутные. Без документов. На бандюков не похожи, хотя в бардачке нашли старенький «макаров». На простой вопрос, либо тупо молчат, либо бормочут какую-то хрень. Фамилии еле вытянул, да и те похоже липовые: Ключев Иван и Сидорова Анна, – он усмехнулся этим, вполне обычным, но для него абсолютно надуманным именам, – На контакт не идут. Нас, тех кто в погонах, считают продажными агентами какой-то секты.

– Во как? – выкрикнул Сергей и забегал глазами, что-то вспоминая.

– Они сильно напуганы. Подавлены. Мужик на грани срыва, а Сидорова эта, – на лице капитана прорезалось сострадание, – Так та вообще не в себе – мания преследования. Все вокруг враги, особенно врачи и менты. Верит только журналистам...

Ерохин ехидно хмыкнул. – Ну да. Эти же честные и бескорыстные...

– Мне представляется следующее, – Ренат откинулся на спинку кресла, сцепив руки на затылке, – Они состояли в какой-то конторе, от которой, похоже сейчас и скрываются. И против этой конторы начали самостоятельное расследование. – Он наклонился и положил руки на стол. – Дилетанты. Триллеров насмотрелись.

Капитан болезненно скривился и цокнул языком, – Только вместо финальной драки на ржавой лестнице и победы над вселенским злом, оказались в следственном изоляторе, к их же, надеюсь, счастью.

Ерохин задумался и шумно отхлебнул кофе. – Где они сейчас?

– На медосмотре. Нулевой этаж. Санчасть СИЗО.

– Там психиатр будет?

– Это первым делом, – заверил Ренат, – Причём ожидают какого-то профессора.

Сергей удовлетворённо кивнул.

19. Триумф и облом

– Ключев, говорите? – сонно бормотал Степанченко, разглядывая фотографии на экране и натирая кулаком правый глаз, – Где-то я этого Ключева уже видел... Ё! А баба какая страшная. Прямо ведьма. Хорошо, что не к ночи увидел.

Ренат неожиданно вступился за подопечную, – Это фотка так вышла. Она просто загнанная, усталая и обозлённая.

Степанченко упёрся в капитана вопросительным взглядом, затем безразлично махнул рукой. – Пойду закину в поисковик.

Шаркающего Степанченко едва не сбил Полежаев – взлохмаченный и краснолицый, как индейский вождь.

– Батюшки. Эпидемия пришла. А где белый намордник? – широко улыбнулся Ерохин.

– Не ссы, я уже не заразный, – прогундосил Юрий, грузно заваливаясь в кресло. На лиловом лбу проступили крупные капли пота.

Он прокашлялся, прикрыв рот ладонью. – Ну как там? Не томите.

Витало ощущение прорыва плотины. Сновали сотрудники. В это утро помешать делу не могло даже непосредственное руководство полковника Можайского, беспрестанно отиравшегося в группе.

Вдруг муравейник замер от крика из коридора. Все знали импульсивность Степанченко, но не да такой же степени.

– Тебе оса в штаны залетела? – спросил Варёный, когда Степанченко дрожащими руками вставлял флэшку в настенный экран. За ним собрался любопытный полукруг, а на экране вспыхнули две фотографии: надменный узколицый субъект с наглым взглядом, и осунувшийся доходяга с черными мешками, напоминавший наркомана в ломке, в котором узнавался ночной задержанный.

Степанченко сдвинулся от экрана. Его распирало, но он молча обшаривал глазами напряжённые лица.

Первой громко всхлипнула Мурцева.

Её опередил Ренат, – Это же Климов!

Ерохин застыл с неприлично открытым ртом. Полежаев медленно поднялся на подлокотниках, вытянув шею, – Ну ни хрена себе!

Затем вскочил и двинул к Ерохину.

– Ты как тогда допёр? Колись. – Он вскинул руки, собираясь обнять, но кашлянул и отстранился, – Ну ты опер. – Полежаев снова плюхнулся в кресло. – Как вычислил? Ерохин, колись. Респект тебе и уважуха.

Сергей не мог вспомнить причины озарения или помутнения, когда ему привиделась связь между этими делами, и когда он был высмеян Полежаевым.

Юрий зашёлся в приступе кашля. Щёки горели, глаза слезились. Поднималась температура, и он был отправлен на служебной машине домой.

Едва за героическим майором закрылась дверь, как Степанченко выложил на стол примятый листок.

– Сидорова ваша, оказалась Овечниковой Ириной Александровной, две тысячи пятого года рождения, уроженка города Сестрорецка, зарегистрирована в Питере по указанному адресу.

Туда был срочно отправлен Козак на служебной машине Ерохина.

Климова оставили на полдня в санчасти из-за гипертонии, а Овечникову привели в камеру для допросов.

Белокурая, с засаленными прямыми волосами, собранными на затылке в конский хвостик. Она не подняла глаз на вошедшего Ерохина и тупо смотрела в центр стола. Бледное извращение. Лишь редкие подмаргивания набухших век с длинными загнутыми ресницами.

– Здравствуйте, Ирина Александровна.

Ни один мускул не дрогнул на лице. Лишь прожилки синели сквозь тонкий пергамент кожи.

– Зачем назвались чужой фамилией?

– А чтобы свою не отобрали, – выпалила она неожиданно низким голосом, явно переходя в атаку, – Чего болтать? – Она нервно всхлипнула, криво усмехнулась, обнажив зубы, подёрнутые серым налётом скитальческой жизни. – Когда устранять будете? Сразу? Или потом, в камере? – И прерывисто вздохнув, облизала растрескавшиеся губы, чтобы продолжить наступательную браваду.

Тут в открывшейся двери появился курьер, – Майора Ерохина срочно вызывают к генералу Мостовому.

Странный звук, похожий на мышинный писк, заставил Сергея обернуться. Руки также лежали на столе, но перед Ерохиным была уже другая Овечникова. Маска бравады слетела с лица, уголки рта склонились, припухшая верхняя губа беззвучно подрагивала. Она жалобно всхлипнула, по-детски шмыгнув носом, и крупная слеза кляксой шлёпнулась на стол.

Черт, как неудачно вызвали. На таком перепаде в самый раз колоть.

Он мучительно выбирал между удачным моментом и генеральским приказом. Но генерал – не полковник, и Сергей шагнул к двери с намерением быстро объясниться и вернуться. Караульный зашёл из коридора внутрь, и вытянулся, заняв новый пост.

В приёмной, путь к двери преградила округлая женщина бальзаковского возраста.

– Стоп, стоп. Какой шустрый майор. Меня, меня спросить надо.

– Вероника Евгеньевна, я прямо с допроса... Курьер прибыл, значит срочно.

– Опоздал немного, велено подождать. Присядь. – она повела рукой в сторону низких кресел. – Полковник опередил. У него-то дело посрочнее будет. А курьера я направила, потому, что вызвонить тебя не смогла. Садись, не мельтеши. Подождут твои арестанты.

Если бы Сергей знал, сколько придётся ждать, то ушёл бы сразу.

Через полчаса из генеральской двери показался Можайский.

– Ерохин? А ты чего здесь прохлаждаешься?

– Так вызвали. Срочно. – он обречённо кивнул в сторону улыбающейся секретарши.

Вот старая коряга.

Вероника Евгеньевна растеклась улыбкой вслед уходившему полковнику. Сменив маску, строго глянула на Ерохина. Но рта раскрыть не успела – из скрипнувшей двери вышел генерал с кожаной папкой. Сергей поднялся.

– Ждёшь? – Он в упор посмотрел в глаза. – Ну что, молодцы! Вижу, начали работать. Не сбавлять темп. Можайский мне доложил в общих чертах. Есть у меня ещё пара вопросов к тебе, но не теперь. Самого вызывают. – Он повернул голову и коротко бросил, – Вера, я в Смольный.

Вернувшись, Ерохин не сразу понял происходящее. Дверь в комнату для допросов была распахнута. У входа топтались незнакомые офицеры – похоже из СИЗО. Внутри набились свои. На корточках, спиной ко входу сидела Мурцева. Согнувшись над столом колдовала Тюрина, маркируя пакет с продолговатым предметом. За Мурцовой на полу Сергей увидел кровавую лужу с натоптанными следами. Сердце забило в висках.

В углу топтался бледный Козак, неприлично помолодевший, со следами угревой сыпи на лбу. Он что-то лепетал Байкалову, стоявшему спиной.

– ... к нему же не было никаких претензий. Он сам, сам согласился приехать.

– Что произошло? – сдавленно выкрикнул Ерохин, и все заметили его присутствие.

– Вот, – Байкалов махнул рукой. Лейтенант загундосил срывающимся голосом, – А что, что я нарушил? Он должен был подняться к нам. Он просто свидетель. Я оставил его в бюро пропусков, там очередь была. Я же не знал.

– Стоп! Всё по порядку.

Махнув на Козака, доложил Байкалов, – Покушение на Овечникову. Она жива, но в реанимации. По домашнему адресу лейтенант застал сожителя, проживающего в её квартире. Тот сразу согласился дать показания на Овечникову, так как сам её разыскивает и имеет к ней денежные претензии. Лейтенант оставил его в бюро пропусков. – Он перевёл взгляд на сжавшегося, испуганно блуждающего глазами Козака, затем на Ерохина, – Сергей, к нам же приходят свидетели по повесткам.

– Приходят, – язвительно передразнил Ерохин, – Вообще-то их сопровождать положено. То, что мы иногда нарушаем, никого не оправдывает. Нападавшего задержали? Оружие?

– Его допрашивает Варёный в соседнем помещении, – бодро ответил Байкалов, – Три удара керамическим ножом. Лезвие отломилось и осталось в лёгком.

– А караульный? Караульный где был? Он же здесь для охраны остался.

Байкалов вздохнул, повернулся к выходу и как-то недоверчиво произнёс, – Караульный был отброшен резким ударом двери. Травма головы и кисти руки.

Ерохин подошёл к двери и высунулся в коридор, – Но как? Дверь открывается наружу!

– Он приоткрыл дверь и выглянул (Ерохин прорычал, закатив глаза). Нападавший саданул с прыжка. Заскочил и нанёс три ножевых удара, пока не сломался нож. Затем сдался подбежавшему на крик офицеру СИЗО.

Побагровевший Сергей обернулся к Байкалову. – Жень, вот ты мне скажи, откуда таких караульных набирают? С охранников в супермаркете и то больше пользы.

Обхватив голову, Ерохин выскочил в коридор.

Варёный допросил нападавшего, затем увеченного караульного.

Задержанный рыдал, изливая душу. Всею своей чувствительной душой он был страстно влюблён в Ирину, которая сбежала от него с каким-то старпёром, прихватив его кровные денежки. Сначала он безуспешно пытался её найти, чтобы вернуть, затем поклялся убить, что и осуществил в порыве ревности, в который впал сразу же, как увидел её в проёме приоткрытой двери.

Караульный, в свою очередь, плаксиво признавал нарушение правил, но оправдывался тем, что его уже должны были сменить, и он изредка выглядывал запоздавшего сменщика.

Всё было похоже на правду. Но что-то гадливо бередило душу майора Ерохина.

20. Древний Египет. Столичный округ Уасет. Пятый год правления Еретика

Предвестьем грядущих бурь слышался голос возмужавшего правителя притихшим жрецам Амона:

– Как не проросло зерно в горячем песке, так и не стала земля обмана домом Великому Атону. Небесный отец отправляет меня в путь, на поиск места, ему одному назначенного. Земли, не запятнанной ложью и корыстью жрецов. И даст Великий Атон знак на месте том. И возведены будут храмы в его честь, и построен город в его славу. И быть там столице обоих Земель. И станут люди там жить по закону Маат. И исполню волю Атона я – фараон Аменхотеп, сын фараона Аменхотепа.

Намокнув в долгом пути, осели в мутные воды днища барж, ведомых силой великой реки от пилонов и башен Элефантины, к стелам и обелискам Мемфиса. Мощью северных ветров вздымались паруса на пути обратном. Затем всё повторялось сначала.

Луна дважды обращалась хрустальным серпом и дважды округлялась серебряным оком Гора. И каждый день изнурительного похода, под вечер, на новый берег причаливал строй царских судов и разбивались шатры. А утром, с первыми проблесками восточного неба, над головами собравшихся разносилась молитва Пвоха – верховного жреца Ра-Хорахти из древнего Гелиополя.

Было пройдено земель без счёта. Серых и истоптанных, приглушенных тенью вековых олив и смоковниц. Илистых и черных, с бескрайней зеленью ячменных всходов. Холмистых и ветреных, под красными обрывами глинистых утёсов. Песчаных и каменистых, усеянных глыбами известняка. Древних оазисов с шершавыми стволами финиковых пальм.

Но Атон так и не подал знак юному правителю.

Иногда причаливали ночью, когда чёрное покрывало неба смыкалось с трепещущей гладью Великой Реки. Так было и в этот раз на безжизненном пустынном берегу, когда кривобочная худеющая луна надменно зависла в высоком небе, а серой тенью с востока уже показался рассвет.

Широко раскрытые глаза юного царя взирали на поднимающийся из-за горизонта огненно-красный шар. Когда божественный Ра-Хорахти, оторвавшись от кромки пустыни, уже воссиял в имени своём Шу, фараон ощутил то, чего так долго ждал.

Звуки внешнего мира: шум ветра, шорох болотного папируса, серебристые перезвоны прибрежных волн, окрики крики водных птиц, – медленно вытеснялись нарастающим водным плеском. Вскоре шум далёкого водопада уже властвовал в глубинах разума, – там, где только и возможно познать голос бога.

Обрётшее внезапную лёгкость тело истекало свербящей дрожью. Судороги, ужасавшие в детстве, а теперь редкие и желанные, крепили и поддерживали его, как держат парящего орла восходящие потоки. Телесная дрожь сходилась в унисон набравшей силу воде.

Атон подал знак.

Юный Аменхотеп воздел ладони к небесам и медленно двинулся по барханной пустоши к отдалённым холмистым грядам. Большая вода меняла тон и звук, сливаясь с дробными эховыми раскатами показавшегося ущелья.

Вдруг оборвался неистовый водный рёв. Уши захлопнула тишина. Отпустила дрожь. Тяжестью в ступнях вернулось тело.

Аменхотеп воздел руки к солнцу.

– Клянись тебе, великий Атон, что на месте этом будет возведён храм во славу твою, и город, не знающий себе равных.

Так, царь обеих земель Аменхотеп четвёртый получил долгожданный знак. И в оранжевых лучах утреннего светила, к терпеливо ждавшим подданным обернулся и огласил свою волю уже другой правитель – могущественный фараон Эхнатон – слуга великого Атона.

21. Климов

Поди сумей оформить бумаги для ночного допроса за полчаса до конца работы, да ещё при отсутствии начальства.

Ерохин сумел. Не было иного выхода. Он не столько надеялся на результат, как поддавшись смутным предчувствиям, счёл этот допрос единственной возможностью обезопасить арестанта.

– И как ты только извернулся? Ну приходи, забирай, – изумился старший прапорщик, помнивший Ерохина ещё лейтенантом.

– Пальч... Тут ещё... Хотел попросить.

– Ну?

– Как бы сделать так, чтобы твои орлы ничего не знали?

– Ты что, выпил? Это ещё на хрена?

– Для безопасности задержанного. Очень важно.

– Да пошёл ты знаешь куда... – Пальч мог рубануть и покрепче. – Послушай, Сергей. Если бы я не знал тебя столько лет... Ты в чем моих ребят подозреваешь?

– Пальч, извини. Проехали. Не обижайся.

Трубка сипло дышала.

– Хрен с тобой. Раз у тебя мания величия... э-э ... преследования... Ладно. Через пятнадцать минут я их отправлю в оружейку. У тебя на всё – про всё будет десять минут.

Из камеры показался Климов. Неуверенно переступил порог. Помятый, морщинистый, с желтоватыми пятнами на висках. Руки сцеплены за сутулой спиной.

Увидев Ерохина, зло усмехнулся, – На расстрел? Скорей бы. Лишь бы не мучили.

Протяжно вздохнул. Климов знал, что из-за угнанной тачки и краденых номеров вертолёт со спецназом не вышлют. А значит – это *они*. И если он ещё жив, значит *они* думают, что он знает что-то важное. Он должен выиграть время. Столько – сколько получится.

В кабинете Ерохина он осмотрелся. Дверь заперта изнутри. Окна пуленепробиваемые. Ключи демонстративно спрятаны в сейф с кодовым замком.

Пластиковый браслет снят.

Ерохин знал, что будет непросто, но не думал, что настолько.

Угнанный автомобиль, краденные номера и незаконное хранение оружия вызывали кривую ухмылку. С тупым упорством Климов не шёл на контакт. Юлил и изворачивался, то отрицая всё на свете, то вдруг пытался убедить, что самописец давно уже найден и спрятан в надёжном месте, и о месте этом они не сообщат даже под пытками.

Изнуряющая карусель выматывала. Припасённый козырь о покушении на Овечникову не изменил расклад. Климов сначала не поверил. Затем, увидев окровавленную кофту в пронумерованном пакете, сник. Прикрыл ладонью задёргавшийся глаз. Но тут же взбодрился. На нервном подъёме перешёл в контратаку. Он грозил Ерохину, что за Ирину тот ответит. Ответят и остальные. Мол они не одни, а завтра всё попадёт в прессу.

Бравады осёк сверлящий звук. Трубка говорила взволнованно.

– Сергей! Тут у меня ЧП. Тревогу пока не поднимал... мне и со своим дятлом разобраться надо. Но похоже... ты был прав.

– Пальч! Что? – выкрикнул Ерохин и бросил недобрый взгляд на Климова.

– Хоть я и думал, что пустое, но всё же сел за видеокамеры. Часа два проторчал. Уж плюнул было. Вдруг вижу, мой козёл бросил пост и бегом в сортир. ...Обосрался он, как потом выяснилось. Минуты не прошло, смотрю, кто-то открывает решётку коридорной двери. Да лихо так – и ключ у него, и карта магнитная. Лица не видно. Я выскочил, а он дёрнул на выход, и напрямиком к вертушке.

– Кто?!

– Молодой такой. Звони на пост, выясняй.

Звонок дежурному вывернул наизнанку воспалённый мозг Сергея. Четыре минуты назад зафиксирован выход лейтенанта Козак Антона Валерьевича. Ерохин ошутил дрожь в правой руке и спрятал её под стол, от безумного взгляда Климова, сидевшего с искореженным лицом, оскалив щербатые зубы. Ерохин окатил его гневным взглядом.

– На тебя покушались, придурок!

Тот закрыл рот, сглотнул, – П-продолжение спектакля?

Придурок. Какой же ты придурок. – подумал Ерохин и тут же отрешился от Климова.

Козак! Гнида! Тихоня с учебником по сыскному делу, уверявший, что в этом его призвание. Догонять поздно.

Перезвонил на вахту. Удостоверился. Машина в камеры не попала.

Меньше всего Сергей ожидал крысу у себя.

Он опустил лоб на лежащую руку.

Отщепенец. Продажная тварь. Что делать дальше?

Собрался и стал размышлять.

Он мог решить, что его не узнали. Сейчас залёг под корягу и ждёт. Если не будет кипиша, успокоится и придёт на службу. Ведь свою задачу он не выполнил. Спасибо Палыч тревогу не поднял. Лицо в камеры не попало, следов наверняка не оставил. Предъявить ему нечего. Ночной выход? Это не в первой. Завтра разберёмся. Лишь бы не спугнуть.

Климов опасно наблюдал. Что-то шло не так. Побледневший майор с растерянным видом уткнулся лбом в кулак и затих, подставив затылок и шею. Такого он точно не ожидал.

Но быстро понял подставу и стал оценивающе разглядывать Ерохина. Пригнув голову, пытался увидеть, не наблюдает ли за ним в щёлочку зоркий майорский глаз. Бросил взгляд на стол, окно, дверь. Приподнялся. Изготовился к прыжку. Затем мягко осел.

А может он и вправду не из этих?

Вид беззащитной лысеющей макушки дал Климову призрачную надежду.

– Я всё расскажу, – прозвучал смятый подавленный голос.

Ерохин поднял голову, отрешённо глянул на изменившегося арестанта, – Я буду записывать, – и безразлично зевнул. Накатывала послестрессовая сонливость.

Откровения Климова хаотично перескакивали между настоящим и прошлым.

Сбивчивое признание участия в убийстве инспектора ДПС напрягло Ерохина. От тяжёлого раскаяния Климова прошибло потом, и по комнате растекался мерзкий кисловатый запах. Запустив пятерню в просаленную шевелюру, он стал оправдываться, что сам не стрелял, а только сидел в машине. Признание выглядело неправдоподобно, но Ерохин решил пока не перебивать.

Тут рассказ метнулся в прошлое.

Он жаловался на тяжёлое детство в Ханты-Мансийске и раннюю потерю отца. На службу в армии, где получил травму головы. В Питере поступил в Технологический институт, хотел стать инженером. После второго курса учёба заела, и он страсть как захотел поступить на службу в ФСБ, но не знал, как. После третьего бросил учёбу, написал заявление в полицию. Получил отказ, даже на техническую должность, хотя с головой уже проблем не было.

Он пытался разжалобить Ерохина, который в это время просматривал его досье.

– Почему отказали? Как думаете?

Уловив что-то в интонации, Климов нехотя сознался в лечении алкоголизма, из-за которого и вылетел из института.

Затем перескочил к последнему месту работы в охране небольшого предприятия, где его неожиданно посетил капитан ФСБ. После чего он стал сотрудником мобильной оперативной группы по борьбе с терроризмом и наркотрафиком.

Хмыкнув, Ерохин спросил, – И как вас оформили на службу?

– Со мной заключили контракт.

– Где и кто заключал? Где сам контракт?

Климов смутился и покраснел. – У меня на квартире. Этот же капитан ФСБ Харин. А контракт он забрал... из-за секретности.

Растеряно похлопав глазами, он продолжил с оправдательными нотками, – Но зарплату мне переводили регулярно. Даже отправляли в санаторий. Круг общения замыкался на непосредственном начальнике. Рядовые сотрудники не знали друг друга и не имели права общаться между собой. По легенде я служил в частном охранном предприятии «Гризли».

– вспомните все задания в подробностях. С датами, временем, участниками.

Собрав над переносицей морщины, Климов вскинул глаза, и начал рассказ.

Всплыли семь операций по ликвидации террористов. Он, как стажёр, не знал подробностей, а лишь «обеспечивал территорию» – отвлекал случайных прохожих. Первой боевой задачей стала погоня за преступником, похитившим бортовой самописец. Самописец найти не удалось, но Климов понял, какую тот имеет важность.

При этом был с лёгкостью убит сотрудник ДПС. Отойдя от шока, Климов усомнился, что работает на государственные структуры. Произошедшее с Ириной, подтвердило сомнения и заставило действовать.

С Ирой они познакомились в том самом санатории. Он сразу запал на шуструю светленькую медсестричку. Но отношения складывались медленно. Климов был робок с женщинами, а у неё имелся хахаль. Поэтому любовь закрутилась совсем недавно.

Он замолчал и попросил закурить. Сигарет не было, и Сергей предложил арестанту кофе. Агрегат заклокотал, выстреливая коричневые плевки.

Крупными глотками Климов осушил половину чашки.

– Она позвонила неожиданно. – Одолев кофе, он с дрожащим звоном вернул чашку на блюдце. – Её голос! – На лице прорезалась боль. – Затравленный плачущий шёпот. Она молила забрать её из санатория. Её могут убить, а самой ей не вырваться. Я бросился за руль, но прибыл только через час.

– Какой санаторий? – уточнил Ерохин.

– Чайка, во Всеволожском районе.

Ерохин сдвинул брови, – Наши ребята там были. Ничего криминального не обнаружили. Ядовитая ухмылка перекосила Климова, – Конечно не обнаружат. Санаторий, как санаторий. Конспирация у них на высоте.

– Завтра поедем снова.

– Только боюсь, что санаторий уже закрыт. – Арестант наморщил лоб, силясь что-то вспомнить, – Ирину я принял из окна туалета. Потом за нами гнались две машины. Но я хороший водитель, – Он поднял раскрытую ладонь. – Профессиональный экстремал! Я столкнул их между собой. ...Мы ушли. Но с того дня никто из нас не ночевал дома. Мы начали своё расследование.

– В полицию обращались? – спросил Ерохин, чем вызвал неприязнь в лице Климова.

– С этого и начали. Только все встретившиеся менты оказывались из этих! И если б не мои навыки, – он сделал многозначительную паузу, – То мы вряд ли дожили бы до этого дня. Потому и стали действовать.

Тут Ерохин, уже начавший верить, снова усомнился в его адекватности. Да и Климов подлил масла в огонь, – А насчёт ФСБ, так я абсолютно уверен, что этот капитан Харин действительно там служит...

Сергей хмуро задумался. Ночь брала своё. С мыслью сбились и опер и арестант.

После паузы, Ерохин спросил, – Чего вы хотели добиться?

Помолчав, Климов стал говорить спокойно и рассудительно.

– Понимаете, товарищ майор, предпринять что-нибудь против такой организации было не в наших силах. Тем более, ничего о ней не зная. Но я точно знал, как они боятся информации с самописца. Какие силы затрачены на поиск.

Он замолк, округлил глаза и стукнул ладонью в лоб, – А на днях я понял, что они все связаны с сектой.

Брови Ерохина поползли вверх, а Климов продолжил, – Поэтому мы решили найти самописец и обнародовать информацию через журналистов. Нанести удар. Поможет или нет – не знали, но во всяком случае не хотели погибнуть просто так.

– Вы сказали ... секта? Я не ослышался? – уточнил Ерохин.

– Да... Сказал... У меня нет доказательств, но между сектой, и конторой, в которой я служил, есть какая-то связь. – Он кивнул, соглашаясь с собой, – Дело в том, что Ира состояла в обществе поклонения солнцу. Я называл их сектой. Есть такие странные люди. В последние годы появляются на рассвете на пляжах, в парках, по берегам рек и встречают солнце. Сидят, выставив ладони, чего-то шепчут. Среди персонала санатория таких большинство.

Ерохину захотелось себя ущипнуть. В глазах арестанта ему вновь виделись безумные отблески. «Надо будет ещё раз вызвать психиатра».

– А Овечникова как оказалась среди них?

Климов оживился, – Её покойная тётка, шандарахнутая на всю голову, как-то скорешилась с этими чудиками. Да и оставила им завещание на свою квартирку. А после её смерти, они явились к Ирке и стали убеждать, что хотят вернуть квартиру ей. Так Ирка с ними и снюхалась. Потом они помогли ей устроиться в санаторий, где зарплата существенно выше поликлиники.

– А что с ней произошло, когда она вам звонила?

– Она стала случайной свидетельницей разговора двух врачей, когда была за ширмой, в смежном помещении процедуры. Когда её заметили, то поняла, что из санатория больше не выйдет.

– О чём был разговор?

– О психическом воздействии на пациентов.

– Подробнее!

– Подробнее она не знает – разговор был коротким, а у неё после этого был стресс, но для себя поняла, что на отдельных пациентов производится какое-то воздействие, вроде кодирования. Ещё они упомянули про ликвидацию, но она не знала, о чем речь. Понял я, когда она рассказала.

– Трупы без следов убийства – результаты ликвидаций?

Климов, потупившись кивал головой. Затем, после щелчков пальцев Ерохина, произнёс чётко, для записи, – Да. Результаты ликвидаций.

Далее, ещё без малого час, Ерохин задавал дополнительные и уточняющие вопросы. Новой информации не прибавилось, за исключением врача-невролога одной из районных поликлиник, направлявшего пациентов в указанный санаторий. От Ирины он знал только его фамилию. А та узнала о враче случайно, из мимолётного рассказа пациентки во время процедуры.

Когда измотанный Климов стал тормозить с ответами и пару раз засыпал, Ерохин позволил ему лечь на служебный диван.

Взбодрившийся на эмоциях Ерохин запустил компиляцию записи в текст. Задумался. Вспомнил Козака.

Мысли крутились винтом. То озаряло явное понимание невозможности столь крупной тайной организации. А подкуп одного лейтенанта списывался на коррупцию.

То подкатывала обратная волна, и наличие скрытых агентов казалось ему вполне возможным. Даже проглядывались контуры зловещей структуры.

Он мысленно раскладывал пасьянс из сослуживцев, и, не остановившись ни на ком, допустил возможность чьей-то крупной материальной заинтересованности. Дойдя до крайней точки, маятник устремился обратно.

С приливом здравого смысла Сергей понял, что его подозрения отдают конспирологией.

Позднее он решил на всякий случай изъять из материалов допроса информацию о неврологе из поликлиники, как единственную, об утечке которой, их преследователи, скорее всего не знают.

Ближе к утру Ерохин с трудом растормошил храпевшего Климова, выслушав полусонные матюки. Арестант тяжело и неохотно вернулся в реальность.

Пристально глядя в глаза, Сергей чётко переспросил, знает ли кто-нибудь ещё, кроме него и Ирины о враче из поликлиники. Климов долго смотрел в ответ цепким пронизательным взглядом и уверенно покрутил головой.

Ерохин решил, что психиатрическая экспертиза не потребуется, и очень надеялся, что арестант понял его молчаливый намёк.

Палыч хмуро принял подследственного.

Голова, изрядно пропитавшись кофе, стала высохшей тыквой. Реальность просматривалась сквозь еловые ветки, а временами ускользала совсем. Сергей стал перечитывать исправленный протокол, но текст заплясал и расплылся. И он завалился на диван.

Новый день разбудил громким стуком в дверь.

Подходившие сотрудники получали материалы допроса. Затем, на планёрке, распределили обязанности.

Направили запрос в ГИБДД о вооружённом нападении, запрос в ФСБ про Харина. Хабибуллин и Варёный убыли в санаторий «Чайка». Степанченко с Тюриной составляли новые запросы по арестантам. А Байкалов и Мурцева ожидали майора Лотарёва из отдела по тоталитарным сектам.

Были составлены три фоторобота, которые, к сожалению, не пробились по базам.

Можайский, соорудив скорый отчёт, побежал к генералу.

В суматохе, никто кроме Ерохина не заметил отсутствия лейтенанта Козака, чей телефон был отключён.

И Сергей отъехал на пару часов домой.

22. Безумство

Его встретили испуганные глаза. Натёртые, влажные, недоспавшие. Тёплые губы вернули к жизни.

Есть не хотелось. Поковыряв омлет, он стал посвящать Эльку в подробности минувшей ночи. Надо было выговориться, излить горечь предательства, и посоветоваться о тяготившем душу подлоге протокола, в оправданности которого он мучительно сомневался.

Её глаза медленно округлялись. Задорные веснушки словно вытравило хлоркой. А на гипсовом лице проявились свинцовые тени у глаз.

– Куда же ты влез? ...Ты ведь один. Кому ты можешь доверять? – Она запустила пальцы в волосы, подняв две рыжие копны.

– Никто и не обещал, что будет легко, – отшутился Сергей. Такой реакции он не ожидал, и уже раскаивался в излишних подробностях.

Собрав волосы хвостиком, она подседа сбоку и обхватила его спину. Сергей развернулся, одарил её затяжным поцелуем, и запустил руку в разрез халата. Элька мягко вывернулась, обойдя стол, села напротив. Краски возвращались к её лицу. Улыбнувшись, Сергей отправил воздушный поцелуй.

– Тебе нужен свой человек. Которому ты можешь доверять, – сосредоточенно сказала Элька.

– Да, нужен. Об этом я думаю с ночи, – ответил Сергей, ещё надеясь продолжить флирт. Но тут заметил слабый отблеск во взгляде, чёртову искорку в её глазах, и необъяснимая тревога мурашками расползлась по телу.

– Я схожу на приём к этому доктору. Просто так. Просто посмотрю и всё.

Судорога смяла лицо Сергея.

– Нет! Нет! Ты что, дура? – он осознанно произнёс это слово и шёл на конфликт, чтобы любой ценой зарубить безумный план, что быстрыми пазлами складывался в её голове.

Она не обиделась, а подсев сбоку, поцеловала Сергея.

– Серёж, ты чего? Успокойся. Я не собираюсь вынохивать и расспрашивать. В день к нему приходит толпа народу. Это будет обычный приём врача.

– Нет! Нет! И нет! – покрывшись багровыми пятнами рычал Сергей, – Ты что о себе возомнила? Какая у тебя подготовка? Этим должны заниматься профессионалы.

Отскочив, она подалась вперёд, как кобра перед прыжком, – Профессионалы? И где ты их возьмёшь? Кому ты можешь доверять?

Он сбавил тон, решив зайти с другой стороны, – Эль, пойми, я не переживу, если с тобой что-нибудь случится.

– Не переживёшь? А ты можешь думать не только о себе? Ты знаешь сколько раз я просыпалась ночью, лежала и смотрела на тебя? Думаешь, я не боюсь за тебя? Не понимаю в какое дерьмо ты влез?

– Это моя работа.

– Работа? А что ты оставляешь мне? Кухню и пылесос? Быть женой опера и каждый вечер мучительно ждать? А если с тобой случится – я переживу? Что тогда ждёт меня – одинокая старость с выплуканными до морщин глазами?

Сергей не расслышал последних фраз. Мимолётно брошенное слово сладко растеклось в голове, рассыпалось тёплыми огоньками. «Женой опера? Моей женой? Моя жена!» Он не сделал предложения. Не представился момент. Все началось внезапно, шло легко и естественно. Они и так муж и жена, но ни разу не произнесли этих слов.

– А ты *согласна* стать моей женой?

Элька устала тяжёлым взглядом и отчеканила – Нет!

Сергей улыбался. Он знал, что брошенное слово отражало лишь эмоции текущего момента.

Зелёные глаза полыхнули. – Нет! Не согласна. Я стану твоей женой, если ты уйдёшь со службы.

Воздух стал густым и тяжёлым. Его просто не хватало.

Бред. Она не могла так сказать... Но сказала! ... Уйти со службы!?!...

Спроси кто-нибудь Сергея, любит ли он свою работу – он, не кривя душой, тотчас бы ответил – нет. Чаще всего он её ненавидел. Любимая работа, возможно, у кого-то и была – у актёра, профессора, инженера. Но это было на других орбитах, далёких от той, где вращался Сергей.

Он сразу выбрал нелюбимую. Выбрал жёсткую. Нужную. Мужскую.

И представить себе другую он не мог. Это был бы другой Сергей Ерохин – просто однофамилец и тёзка.

Собравшись, он выдавил осевшим голосом, – Эль, ты чего?

– Ничего! – она продолжила серьёзно и напористо, – Ты ничего не понял, Ерохин. Если ты хочешь избежать душевных болей и переживаний за меня, то я тоже не должна жить в вечном страхе потерять тебя. Я тоже должна иметь право на спокойную жизнь. Сейчас ты один и у тебя нет агентуры. А один – не воин. Или уходи с работы, или прими мою помощь. Я стану твоей агентурой. Что мне терять в этой жизни, кроме тебя. Я ведь тоже когда-то училась в институте МВД. Следователем мечтала стать. Но мечты рассыпались карточным домиком из-за одного типа, не будем показывать пальцем.

Разговор предстоял тяжёлый. Можно рассориться сразу, или через несколько часов бесплодных споров.

Звонок малтфона отсрочил разборки.

Тюрина сообщила, что Можайский искал Козака, и спрашивал, не отправил ли его куда-нибудь Ерохин.

– ...Да... Отправил, – растерянно пробормотал Сергей, – Передай, что я сейчас приеду и сам ему объясню.

Пробила холодная испарина. *Ну и денёк.*

В дверях они с Элькой мило распрощались, что только усилило горечь.

Сергей доложил Можайскому о ночном инциденте.

Удар кулаком по столу разметал канцелярскую утварь. А матерный шквал заставил Сергея уворачиваться от брызг слюны. Заглянула испуганная секретарша. Но поймав звериный взгляд шефа, тут же исчезла.

Отдышавшись, полковник сипло произнёс, – Пойдём-ка вниз, посидим в моей машине.

За стеклом машины шумно бежал проспект.

– А Муратов этот, рапорт не напишет? – после молчания спросил Можайский, на щеках которого оставался нездоровый румянец.

– Пальч? Нет, ему не резон. До пенсии пара месяцев, а если копнут, то и он под раздачу попадёт.

– Кто ещё знает? Сказал кому?

– Нет.

– Ты пока не торопись. Пятно на весь отдел ляжет. Не отмоемся. Дождёмся этого подонка... Я сам с ним разберусь... И сам разрулю с начальством, – он снова сорвался на ругань, – ... твою мать! Только работать начали.

Он замолчал, разглядывая в окно сырой асфальт. Затем уставился на Сергея пробирающим взглядом.

– Тебя Мостовой ни о чём не допытывал? Не выводывал что-нибудь мимо меня?

– Нет, – растерянно ответил Ерохин, – Да мы с ним и не общались. Один раз вызвал ... И то я в кабинет не попал.

Снова молчание – тяжкое, с явным недоговором.

– Понимаешь в чем дело, Серёж, – с трудом выдавил Можайский, – Не распространяйся ты особо при нём... Ну, если почувствуешь, что лишнего выпытывает. И не только по этому случаю. – Сергей напрягся, и молча разглядывал никелированную ручку бардачка с золотистыми выпуклыми буквами, дождавшись продолжения, – Я не доверяю Мостовому. Всего рассказать не могу, но есть причины, поверь.

Что-то щёлкнуло в голове. *Зачем он это сказал?* Ерохин ощутил спиной холодную испарину и повернулся, упёршись в бездонные глаза полковника. Не выдержав пробирающего взгляда, Сергей отвернулся. Сознание, отягощённое служебным нарушением, перевернуло всё на свой лад: *А может он прощупывает? Подозревает, что я чего-то скрыл?*

– Сергей? ... Сам понимаешь ... Строго между нами.

– Да, – с трудом выдавил Ерохин.

Они поднялись наверх (Сергей на ватных ногах). И тут он вспомнил, – Товарищ полковник, надо решить вопрос безопасности подследственных.

– Уже решён. Было отдельное совещание у Мостового с руководством СИЗО.

Заходя к экспертам, Ерохин столкнулся с неординарным субъектом в черных джинсах и клетчатом свитере на голое тело. Серые волосы сходились на затылке нелепым хвостом до плеч. Крупное высокое лицо. Вертикальные морщины на впалых щеках и широко расставленные глаза. От этих глаз хотелось поёжиться.

Поприветствовав Ерохина затяжным кивком, он быстро удалился. Мурцева и Байкалов в задумчивости сидели за столом.

– Что это было? – спросил Ерохин.

Тамара лукаво ухмыльнулась, – Майор Лотарёв. Роман Николаевич. Крупный специалист по тоталитарным сектам.

– Надо же! Я бы его самого за сектанта принял. Или за провидца-астролога.

– Он наверное взглядом подавляет адептов, – усмехнулся Байкалов.

– За-ато ка-акой мушщина, – гнусовато протянула Мурцева и закатила глаза, заставив улыбнуться напряжённого Ерохина.

– А что сказал? – Ерохин уселся в кресло.

– Да ничего особенного, – Байкалов махнул рукой, – Провёл экскурс по современным сектам. Религиозным, мистическим, оккультным, сайентологическим. Сказал, что информацией о сектах солнцепоклонников с культом божества Атона, он не обладает. Обычно, вокруг языческих богов не образуют секты. В лучшем случае, клубы по интересам – медитируют под деревьями, обливаются водой, греются на солнце, прыгают в прорубь. Но в поле зрения полиции обычно не попадают. Поэтому, он предполагает, что в нашем случае, скорее всего что-то другое.

– Что? – Ерохин ухватил подлокотники.

– Этого он не знает, но обещал сегодня порыться, поискать материал. Завтра собрался беседовать с Климовым, – ответила Мурцева.

– Это правильно. Значит ждём до завтра. Что-нибудь ещё есть?

– Зайди к Ренату. Они с Олегом недавно прибыли, – ответил Байкалов.

В этот момент, волной нежных запахов впорхнула Ирочка с письмом из ГИБДД.

Ответ отрицал факт происшествия, и вновь зародил сомнение в признаниях Климова.

Но кое в чём он оказался прав, как выяснилось из доклада Хабибуллина.

У санатория «Чайка» их встретил огромный костёр из половых досок и старой мебели. Ветер разносил клочья горелой бумаги. Частный санаторий закрылся на капитальный ремонт. Аренда здания истекла. Коллектив отправлен в длительные отпуска. Руководство в полном

составе отдыхало на курортах Юго-Восточной Азии. Списки сотрудников пришлось запрашивать в налоговой службе.

Неимоверно долгий день наконец завершился.

Открыв дверь, Элька молча исчезла в кухне. Она истекала досадой, как кружка, переполненная тёплым пивом.

– Радуйся, Ерохин! Он на меня не клюнул. Старый дятел! – Она не находила себе места. – Теперь у тебя нет шансов, зато появилось спокойствие. Да?!

Сергей с трудом подавлял улыбку, глядя на рыжее облако злости и уязвленного самолюбия, снующее из комнаты в кухню.

– Ну вот зачем этому козлу нужны кровь, моча и тест на беременность от экзальтированной женщины, морально опустошённой, бьющейся в путях душевных мук и поисках утерянных сакральных ценностей, да ещё цитирующей Блаватскую?

Стенания неудавшегося агента стали лучшей колыбельной для Сергея, сладостно плывшего в туманную даль.

23. Гусельникова

Утро ударило в набат.

Разбился Козак. На мотоцикле влетел в опору развязки. Без документов, личность установили этой ночью.

Слова генерала Мостового были пронизаны скорбью о трагически погибшем перспективном молодом сотруднике. Речь прерывалась плачем Ирины. Не выдержала даже Тамара. Смущённо отводил розовые глаза капитан Хабибуллин. Бледный Можайский, так и не успев объясниться с генералом, сидел молча, потупив взгляд.

Огромный букет гвоздик в строгой вазе чернённого серебра стоял под траурным портретом в вестибюле.

Отходя от шока, сотрудники возвращались к работе.

Овечникова находилась в коме, в стабильно-тяжёлом состоянии.

Ренат с Олегом отправились по адресам персонала санатория. По первым двум – никого, что наводило на подозрения. Третья точка находилась в одной из циклопических многоэтажек Купчино.

– Здесь, – сказал Варёный, глядя на белую табличку с номерами квартир. Домофон ответил женским голосом, – Да? Кто там?

– Гусельникова Наталья Николаевна?

За паузой последовал неуверенный вопрос, – А кто спрашивает?

– Откройте, полиция, – выпалил Варёный, а Хабибуллин, мягко сдвинув его, добавил, – Нам надо прояснить некоторые вопросы по санаторию, в котором вы работаете в бухгалтерии. Так?

С глухим урчанием щёлкнул магнит, и стальная дверь подалась наружу.

На четвёртом этаже выглядывала испуганная женщина средних лет в домашнем халате. Из-под цветастого шарфика на голове выбивались темно-русые локоны. Пахло сырой пылью и туалетной химией.

– Вы извините, я тут прибиралась. – Она рассеянно глянула в удостоверения, – Не разувайтесь, проходите на кухню. А что случилось? Санаторий же на ремонте, я в отпуске.

Со слов Гусельниковой, за четыре года работы, она не слышала о каких-либо подозрительных методах лечения. Вопрос о приверженности отдельных сотрудников нетрадиционным религиям, она не поняла. Затем, прояснив, мило улыбнулась.

– Солнцепоклонники? Какая там религия? – Она склонила голову набок. – Чужачество всё это. С год назад мода пошла, как игра какая-то ... Не понимаю, чего им не хватает, может скучно людям? – немного задумалась и опасливо оглянулась в сторону входной двери, – Но я думаю, это они перед бизоном прогибаются ... ой, ну в смысле, перед Сергей Адамычем, главврачом. А что? Зарплата в санатории хорошая, каждый боится место потерять, вот и лебезят, кто как может. А он у нас на этом деле повёрнутый.

– А вы как?

– Я – нет. Мы, бухгалтерские, как-то в сторонке остались, за спиной Анны Александровны, главбуха нашего.

– Что они проповедуют? – спросил Варёный.

– Не знаю, – она удивилась такому вопросу, – Выходят на рассвете к солнцу. Зимой, когда светает поздно, мы в окошко подсмеиваемся, мол повёл бизон своё стадо. Это когда они к реке идут. Минут через двадцать все трусцой назад – вроде оздоровительной гимнастики.

– Слово «Атон» вам знакомо?

– А это они так солнце зовут, по-египетски.

– Что можете сказать насчёт Овечниковой Ирины Александровны?

– Ирка? Медсестра из процедурного? – она задумалась, глядя на серый экран кухонного телевизора, – Подругой мне она не была. Общались только по работе. Но слухок о ней ходил ... не очень. А что? Случилось что-нибудь?

– Какой слухок? Поясните пожалуйста.

– Как бы это сказать? Говорили, что до мужиков больно падкая. Из-за этого и в переплёт попадала.

– Что именно? Подробнее. – уточнил Варёный.

– Ну не знаю, – раздражённо отрезала Гусельникова, – Сплетнями не интересуюсь. Вам лучше с Алиной Евгеньевной поговорить, её сменщицей.

– Сергей, погоди. Не накручивай. А что, если права Гусельникова, и этот Атон – забава взрослых людей? – парировал Ерохину Ренат, – Фанаты Звёздных Войн уже лет двадцать в разные братства объединяются. Они что, тоже секта?

– Я согласен с Ренатом, – поддержал Варёный, – похоже, этот Климов нам мозги пудрит, как и с нападением на гаишников. Ты же сказал, что Лотарёв с ним час беседовал и признаков секты не обнаружил.

– Да. Не обнаружил, – подтвердила Мурцева.

Сергей мрачно молчал. Всё выглядело правдоподобно. Но он знал чуть-чуть больше остальных, и это «чуть-чуть» не укладывалось в версию, к которой склонялись сослуживцы.

24. Подпольный номер

Тянуло домой тепло домашнего очага.

Но квартира встретила тишиной. И вкусным запахом. Найдя сковороду гуляша из настоящей баранины с луком, Сергей обессиленно рухнул на стул, стиснув заболевшую голову.

Пиликнуло сообщение малтфона. «ЛЗ светит в кухне» Он тупо смотрел на бессмысленную строчку, затем поднял глаза и присмотревшись, разглядел на ободках ламп фальшь-потолка, едва заметные буквы, возможно оставленные электриком. Из-за поддетой ножом «ЛЗ» на Сергея выпал пакетик с флэшкой и симкартой.

Сбывались худшие опасения. Новоиспечённый агент разворачивал конспиративную деятельность. В голове монотонно застучал кузнечный молот. И впервые в жизни задёргался глаз.

Флэшка скользила по пластику, скрипела металлом, пока не прошла в гнездо с лёгким подхрустом. Туманно, будто сквозь сетку-рабицу разделившего их забора, Сергей увидел любимое, подёрнутое грустью лицо с виноватой улыбкой. До боли стиснув зубы, он выслушал нескончаемый монолог о мотивах благородного поступка. Затем она сообщала о поездке в санаторий «Ингрия» по направлению врача, и инструкции по сеансам связи. Сим-карта оформлена на пенсионерку Евгению Андреевну. Был также продиктован Элькин подпольный номер.

Речь завершилась просьбой не предпринимать ничего по отношению к врачу и санаторию для её безопасности и для успеха общего дела.

Сергей не почувствовал боли в затёкшем кулаке. Стекло столика оказалось на удивление крепким – не выдержала ножка.

С этой минуты для Ерохина закончилась не просто спокойная жизнь, а как ему казалось, закончилась жизнь вообще.

Речь Мостового на панихиде после похорон, изредка прерывалась кашлем Полежаева. Прокатилась волна шорохов, скрипов и выдохов первой стопки.

Звон столовых приборов и тихий говор, смолкли, когда рядом с Ерохиным поднялся Можайский. Каждое слово скорби по безвременно ушедшему молодому сотруднику стягивало кадык Сергея, словно ссыхающийся сырой ремень. Он с ужасом понимал, что следующая речь его. В преддверии последней фразы, полковник подал стопку вверх, но осёкся от неуместно громкого звука из кармана.

Рассеянно скосившись на генерала и буркнув, – Извиняюсь, – он начал судорожно шарить в кармане левой рукой, сбрасывая вызов.

Затем, после положенного: – Пусть земля ему будет пухом, – выпил и опустил на стул. Тут звонок раздался у Сергея. Поймав строгий генеральский взгляд, он нажал кнопку и молча приложил аппарат к уху.

Через несколько секунд, побледневший, он повернулся к Можайскому. – Умер Климов. Обширный инфаркт.

Можайский молча смотрел в тарелку. Сзади, от соседнего столика Сергей услышал незнакомый голос, – Кто? Кто умер?

– Подозреваемый, от инфаркта, – скупое бросил Можайский.

– Бывает, – облегчённо раздалось из-за спины, – Хоть не во время допроса?

И, видимо в ответ на рывок головы Можайского, уже для собственной аудитории, – Ну слава богу, что не на допросе. А то недавно случай был...

Сергей поднялся и быстро пошёл меж тесными рядами, неловко сдвинув официантку. Клокочущий в голове поток выбрасывал догадки.

Если это не трагическая случайность? То? ...Возможен второй крот?

В кабинете, он снова мысленно перебирал сослуживцев. Подозрительное находилось у всех, но большей частью – по мелочам.

Первыми прошли Мурцева, Хабибуллин, Байкалов. Постоянно конфликтующий Полежаев был отброшен сразу, несмотря на неприятный осадок. *Кроты ведут себя тихо и незаметно.* Следующим под мозговой сканер попал Варёный. Но тут ход мысли стал сбиваться, уходя кривыми дорожками назад, и вернулся к Полежаеву.

Кроты ведут себя тихо? Чтобы не выделяться? А если крот открыто конфликтует? ...То снимает с себя подозрения?

До головной боли Ерохин пытался найти зацепку, но не сдвинулся ни на шаг. Он хлебнул коньяк из бутылки, давно ждавшей своего часа. Когда тепло потекло по телу – откинулся в кресле, расслабился, прикрыл глаза.

Он неожиданно вспомнил, кто может помочь, и горечь со стыдом залили щеки пунцовым румянцем.

Дядя Андрей!

Бывший опер, после ранения долго работавший кадровиком. Сергей не проведал его, хотя давно собирался.

Обидится, когда узнает сколько я уже здесь.

25. Алина Евгеньевна

– Ирка? ...Ой? – Алина Евгеньевна задумалась над вопросом Хабибуллина. На её округлом лице, с выступающим картофелинкой подбородком, читалось сомнение.

– Нет, девка она хорошая, добрая. И помочь всегда... И работник хороший. И как сменщица меня не подводит. – Она снова замолчала, старательно подбирая слова, – Но... как бы это сказать... прошмандень ещё та. Вы уж извините.

Простоватая в манерах медсестра была постарше капитана, а всё же сконфузилась, и опустила взгляд на чашки. – Давайте чайку подолью, – захохотала она, – Что ж вы варенье не кушаете? Тогда конфеток сейчас достану.

– Спасибо, Алина Евгеньевна. Конфет не надо. А вот чаю ещё выпьем. Больно он у вас вкусный, – уважил хозяйку Ренат.

– Родниковый, – просияла медсестра, – Так родник у меня за оврагом, у берёзки.

Сдвинув шторку, она глянула в окно.

– Вы про Овечникову говорили, – напомнил Варёный.

Улыбка плавно погасла на её лице, – Да. ...Осиротела она рано – в пятнадцать лет. Вот тётка её и забрала, – она примолкла, досадливо сдвинув брови, – Но намаялась с ней Марина, не приведи господь.

– Вы знали её тётку?

– Нет. А вот Вера Арутюновна, старшая медсестра, дружила с ней. Она про Иркины происхождения мне и рассказала. – Алина Евгеньевна поморгала, словно сбивая случайную соринку, и продолжила, – И где она их берет? Вроде симпатичная ж девка. А мужики – то наркоман, то уголовник. А один хахаль, тёткину квартиру обчистил, а саму тётку чуть не зашиб. После того она с сердцем и слегла. Я думаю, не Иркины б пашни, Марина жила бы до сих пор. Она квартиру даже Ирке оставить не захотела – подруге отписала.

Чашки снова наполнились чаем. Вслед за конфетами появились рогалики. Медсестра посвящала оперов в сплетни санаторной жизни, но напрочь отмела возможность незаконных методов лечения.

Наконец был задан щекотливый вопрос и про неё саму.

– А, солнушку? ...Да. Солнушку поклоняемся. А что плохого? Не змею же какому, и не козлу с рогами, – она легонько вскинула брови, и вытянув шею, для убедительности подала вперёд лицом, – От Солнца же вся жизнь пошла. И сейчас держится. И растения все, не от земли питаются, а от солнца. Сергей Адамыч нам много рассказывал, но я всего не упомяну, – она плавно повела рукой, – Пока говорил, помнила. А потом забыла. Память у меня ещё та. – Присев, она ударилась в воспоминания, – И от болезней помогает. И от неурядиц спасает. А вот, что на моей памяти было, так это точно: горничная была у нас, Аннушка. Ей уж за тридцать было – всё забеременеть не могла...

– «Солнушку», говорите? – передразнила Мурцева, прослушав запись.

– А она не дурочку валяет? – спросил Рената Ерохин.

– В какой-то момент, и мне показалось, что хитрит.

– Да бросьте вы. Обычная деревенская тётка, – вступил молчавший Варёный, – Где у них в деревне работать? Устроилась в санаторий, поблизости, и держится за работу – угождает начальству. Если бы этот Сергей Адамыч был кришнаитом, то и она бы уже с бубном прыгала, – он посмотрел на Байкалова, – Или что там у них?

– А по остальным сотрудникам? – спросил Ерохин.

– Там неподалёку ещё массажист проживает, но дома не застали. Соседи говорят, что уехали семьёй к родственникам, в город. Адрес не знают, – отчитался Ренат, – А по другим не успели. Ещё придётся ездить. Видимо, теперь мне одному.

Намечалась нехватка кадров. В связи с затянувшимся расследованием, под давлением начальства, группа взяла к производству ещё несколько застарелых дел, к которым завтра должны были приступить Варёный с Полежаевым.

26. Шубин

Автопилот рулил по вечернему Питеру с усердием стажёра автошколы. Сергей вытянул ноги и закинул руки за голову, потом зачем-то опустил их на руль. Он волновался перед встречей, как в детстве. И детские воспоминания захлестнули его.

Маленький частный магазин на окраине Волосово, где мама работала продавщицей (большая удача в лихие девяностые). Сергей заходил к ней после школы.

Хозяин, местный бугорок по кличке Есаул, мордатый хорь, разящий кислым потом и вечно под мухой, неровно дышал к матери. В тот день, когда по-свински нажравшись, он запер магазин и стал тащить мать в кладовку, восьмилетний Серёжа подбежал к стеклянной двери.

Мама плакала и билась в сильных мохнатых лапах, как раненая птица. Сергей закричал и стал молотить дверь. На крик внезапно примчался участковый, кореш Есаула, обычно покрывавший его проделки. Да не один, а с каким-то мужиком. Этот мужик и стал причиной необычного служебного рвения.

Серёга на всю жизнь запомнил мат Есаула и выбитую незнакомцем дверь. Дико горлая, Есаул бросился к выходу. Хищно сверкнуло лезвие ножа. Сергей от ужаса зажмурился. Когда открыл глаза, мордорот лежал животом на полу, а капитан Шубин (как потом узнал Сергей), грубо подперев ботинком его спину, защёлкивал наручники.

Ополоумевший Есаул. Бледный участковый, нервно сжимавший папку. И высокий худощавый дядя, что улыбнулся матери и потрепал макушку Сергея.

Настоящий герой. Как в фильмах.

С того дня Сергей точно знал, что станет опером, как капитан Андрей Шубин.

Дядя Андрей стал заезжать в гости. Проверял, не уволил ли мать Есаул.

Леха из соседнего подъезда был постарше Сергея. Он и разъяснил, что питерский опер подбивает клинья, и может стать его новоявленным папой (именно так он и сказал).

Тогда, у не знавшего отца Сергея, появилась вторая мечта, тайная, которой не суждено было сбыться. У взрослых сложная, путаная и неправильная жизнь. А дядя Андрей так и остался лишь другом семьи.

Старый кадровик внимательно разглядывал листки, когда раздался звонок в дверь. Он поднялся и ушёл открывать. Ерохин нервно скрипнул зубами. «Блин! В такой момент!» Он уж было затаил дыхание, когда Шубин, перебрав распечатки сотрудников, отложил в сторону листок Полежаева.

Через пару минут Ерохин понял – зачем. Он услышал голос в прихожей, и то, как крепко они обнялись. Юрка важно зашёл и сел напротив. Чувствовалось, что он знал кого встретит.

– Привет.

Ерохин натужно улыбнулся.

– Знакомьтесь. – Дядя Андрей довольно хохотнул. И в ответ на вопросительный взгляд Сергея, спросил, – Ты Эдика помнишь, напарника моего и друга?

Дядю Эдика, крупного, коренастого, азартного рыбака, весёлого и говорливого, Сергей помнил хорошо.

– А фамилию его помнишь?

Сергей фамилии не знал, но сообразил по хитрым улыбкам, – ... Полежаев?

Сидя во главе стола, Шубин протянул руки в стороны, ухватив обоих майоров за шеи, – Вы мне оба, как сыновья. – Он потряс загривки и отпустил, – Я вас обоих, с детства...

Он попеременно смотрел каждому в глаза.

– Ты – сын моего погибшего друга. А ты – сын женщины, которую я любил. Поэтому первую – за родителей. – Он разлил по стопкам «Столичную» (другой не признавал).

– Царствие им небесное.

Выпили не чокаясь.

– Вот тебе и ответ. – Он округлил глаза в сторону Сергея. – Он и ты – единственные, за кого я могу поручиться, как за себя. Потому что... – Он тяжело сглотнул и метнул суровые взгляды на одного и другого. – Если кто из вас... – Кулаки его сжались. – То я зря прожил свою жизнь.

Взгляды оперов потупились. Дядя Андрей улыбнулся, и кивнул Ерохину.

– А теперь расскажи всё ещё раз.

И Сергей рассказал. Про Козака. Про врача. И про Эльку. Как на духу.

Узнав про Козака, багровый Полежаев заходил желваками. А к концу рассказа – побледнел.

– Ни хрена себе. – Юрий нервно чесал затылок двумя руками. – Слушай. – Он поразмыслил пару секунд. – А ты не боишься, что твою там зомбируют? Климов же говорил...

– Да прекрати ты нагнетать! – прикрикнул Шубин, – На нём и так лица нет.

Он кивнул на Ерохина, и несколько секунд неподвижно смотрел на него. Когда продолжил, в голосе слышалась твёрдая уверенность.

– Во-первых, не факт, что в этом санатории вообще что-то такое есть. Во-вторых, если человек знает заранее, опасается и напряжён, то расслабить его не так просто. А она, как я понял – натура сильная. – Он подбадривающе улыбнулся. – Кто она у тебя?

– Океанолог.

– Вот. Значит учёный. – Дядя Андрей выделил это слово голосом и глазами. – А у них склад ума особый. Всё подмечают и по полочкам раскладывают. То есть подкорка всё время на чеку. А значит выдержит.

Он ухмыльнулся и хлопнул Сергея по плечу. Довольно крепко для старика. Сергей качнулся и поднял глаза, встретив хитрый прищур.

– Эх. Хотел бы я увидеть бабу, которая смогла тебя так... – Он выжал руками невидимую тряпку.

– Да видели вы её... лет двадцать назад, – вырвалось у Сергея.

На лбу Шубина углубились морщины, глаза заходили.

– Это рыженькая, что ли? С кудрями до плеч? – Он откинулся на спинку. Во взгляде прорезался укор. – Которую ты бросил в положении?

Слова медленно и с трудом протискивались в сознание Сергея. Комната заливалась серым туманом.

– Что?! – Он очнулся стоя, от грохота упавшего навзничь стула.

Лицо Шубина исполнилось смятением и тревогой.

– А ты не знал? ...Правда, что ли?

– Дядя Андрей! Вы за кого меня принимаете?

– Ну ладно, ладно, – замахал ладонями Шубин, с тенью вины и раскаяния на лице, пытаясь усадить взорвавшегося Сергея. Когда Ерохин сел, он пригладил ладонью волосы и шумно выдохнул. – Ну вы, молодёжь, даёте...

Схватив пару грязных тарелок, Полежаев устремился на кухню. Сергей опёрся локтями и обхватил руками голову.

Он её не бросал. Всё случилось само собой. Тогда Сергею казалось, что острая на язык, бойкая и независимая Элька, не воспринимала его в серьёз. Лишь мимолётное увлечение. Юлька же, её лучшая подруга, была полной противоположностью.

Лишь теперь в сознании опера прошлое высветилось как в лучах прожекторов.

Он понял, почему Юлька, с которой они шли, случайно встретившись в сквере у института, вдруг повернулась, и, неожиданно потянув его за шею, впиалась затяжным поцелуем.

С этого дня Элька исчезла. Её телефон отключился навсегда. А Юлька заполнила собой всё.

Если бы я тогда знал! Жизнь могла бы сложиться по-другому.

Подумав, дядя Андрей начал тягостно и неохотно.

– Я узнал об этом совсем недавно. Она же после тебя снохой кулаковской стала. А года три назад, я заходил к Кулакову, на годовщину сына, на поминки, – он скривился. – Наркотики. Передоз. – Шубин нервно отмахнулся. – Там он и ударился в воспоминания. До сих пор во всём винит «эту рыжую». У неё выкидыш был тогда. Да тяжёлый какой-то. Детей она не могла больше...

Тут он осёкся, и прикрыв рот ладонью, растерянно упёрся в глаза Сергея. Сергей тяжело, но уверенно кивнул.

– Так вот, на этом её кулаковская семейка и сожрала. Давно уже. Лет пятнадцать как.

Он замолчал. Вернулся Юрка. Теперь они оба сочувственно смотрели на Ерохина. Только он их не замечал.

Боль распирала виски.

Каждая из женщин, которых он любил, потеряла его ребёнка. И обе – по его вине.

Господи. – мысленно убивался Ерохин, – *И как это у меня получается?*

Стенания отступили внезапно под натиском более важного и злободневного. Он понял, что теперь не решится поехать и забрать её из санатория. Неискупимая вина напрочь лишила его власти над Элькой. Он должен испить эту чашу сполна.

– Ладно. Хорош нюни распускать. – дядя Андрей разлил водку по стопкам. – А теперь к делу.

– Ты, – он грубо ткнул пальцем в сторону Полежаева, едва не коснувшись лица, – Хвалишься своей агентурой. – Прозвучало, как вопрос. Юрий напряжённо обдумывал куда клонит Шубин. – И где результат? Похвались. – Юрка набычился. Шубин ухмыльнулся.

– А всё потому, что у тебя в активе лишь шпана и криминал. Какой от них толк в *этом* деле?

Юрка не ответил.

– Поэтому, ты будешь оформлять всё, что придёт от его бабы, как сведения своей агентуры. – Он потянулся к бутылке и буркнул, – Если придёт, конечно.

Юрий вскинулся в попытке оспорить, – А если там туфта или деза...

– Не ной! Это и от твоих может быть. Вы ребята взрослые. Разберётесь.

Он разлил и громко опустил бутылку на стол. Поднял ребро ладони в сторону Полежаева.

– Чем рискуешь *ты*? – потряс ладонью и перекинул её на Ерохина. – И чем рискует он? Вернее, кем... Ты взвесь.

Юрка засопел, но выдавил, – Согласен. – И потянул руку к стопке.

27. Выгрести придётся самим

Время текло нестерпимо медленно и казалось вот-вот остановится совсем, словно Сергей подлетал к горизонту чёрной дыры.

Звонок раздался в половине девятого.

– Эля!

– Да, дорогой. У меня всё нормально. Санаторий, как санаторий...

Сергей выкрикнул, не дослушав, – Срочно возвращайся! Всё очень серьёзно. Климов умер.

Гробовое молчание сменилось твёрдым стальным голосом, каждым словом, вбивающим гвоздь в макушку Сергея, – Тем более не вернусь. Мы должны использовать каждую возможность. Целую, жди звонка.

Но он должен был хотя бы попробовать. Перезвонил сам – абонент недоступен.

Дрожащий палец вдавливал буквы: «Выход на связь – ежедневно. Если до девяти нет звонка, я еду за тобой.»

Овечникова не приходила в себя. Состояние стабильное, угрозы для жизни нет. Но жизнь её протекала в ином измерении.

Майор Лотарёв вышел на последователей Атона в социальных сетях. Вычислил активистов, которые, кстати, и не собирались скрываться. Его патрульные группы задерживали солнцепоклонников на рассвете – по берегам Невы, площадкам парков, и даже на крышах домов. Было опрошено девяносто три человека. Семнадцать из них прошли специальное тестирование по диссертационным методикам Лотарёва, разработанным на основе тестов Сонди, шестнадцатифакторных опросников Кеттэлла и множестве других заумных методов, коими пестрил многостраничный отчёт. Осилить его смогли только Мурцева и Байкалов.

Выводы отчёта звучали как вердикт: признаков религиозной тоталитарной секты, да и секты вообще – не обнаружено. Отсутствуют: централизованная структура, лидеры-адепты, незаконное вовлечение новых членов, принуждение, материальное вымогательство и многое другое, включая и явные признаки религии.

Круг замыкался, выводя следствие на исходную точку.

* * *

Взволнованный голос Хабибуллина лился из объёмных динамиков салона. Сергей выслушал молча и спокойно.

– Я на кольцевой. Скоро буду.

Два трупа поступили в морги Калининского и Невского районов с интервалом в шесть часов.

Результаты оперативных мероприятий по горячим следам не дали новых зацепок.

Покойные не были солнцепоклонниками. Их смерти выглядели естественными. Но такие версии больше не рассматривались. Поэтому им присвоили номера тринадцать и четырнадцать.

Что у нас в активе?

Ерохин открыл блокнот. Чистый, как разум младенца. И стал по памяти выписывать чёрный список. Он помнил всех.

Записал четырнадцать фамилий. Подумал. Двоим поставил крестики – возможные солнцепоклонники. Пятнадцатым вписал Климова.

Провёл под ним черту. Ниже дописал лодочника и Овечникову (она скончалась накануне, не приходя в сознание).

Этих устранили явно.

Поразмыслив какое-то время, он разделил лист вертикальной линией, и в правой колонке первым вписал Козака, который был дверью на ту сторону. Дверь вела в пустоту и темноту. Ерохин сам прошарил все уголки. Ничего. Убитые горем родители – инженер и учительница, не вспомнили чего-либо необычного. Кроме одного – загадкой остался брошенный горный институт и внезапное желание служить в органах.

Как объяснил отец, они воспитывали в сыне самостоятельность и необходимость отвечать за свои поступки. Поэтому отнеслись спокойно.

Бывшая девушка лейтенанта, также не пополнила дело новыми сведениями. Ни сама, ни проверка её окружения.

Бросивший пост караульный, которого Палыч грозился турнуть со службы, временно сменил форму на больничную одежду из-за кишечной палочки.

Слишком много совпадений. Как в американском фильме.

А ещё, за всем этим смутно проглядывался зловещий облик какой-то секты, или маскирующейся под неё конторы, что подбрасывает клоунов, попадающих в сети Лотарёва. Ерохин явственно ощутил, что им не хватает сил. Тем более, с учётом возможного крота.

Пора привлекать спецслужбы.

Он решительно зашёл в кабинет полковника.

Выслушав, Можайский отвернулся и тяжело вздохнул. – Думаешь ты один такой умный? – он глянул на Сергея с усталостью и тоской, – В этом я пытался убедить Мостового ещё когда ты Климова допросил.

– И что? – Ерохин округлил глаза пятирублёвыми монетами.

– И нечего, – раздражённо сгримасничал Можайский, – Сначала послал. Затем смилостивился и отправил запрос нашим кураторам в ФСБ.

– И что? – выкрикнул Сергей.

– Не кричи, – рявкнул полковник, – Ответ пришёл быстро. Короче, размазали нас по полной. Сообщили, что признаков опасности для государства, а также терроризма и шпионажа не обнаружено. Напомнили, что секты относятся к компетенции МВД. И ещё много чего напомнили, включая отсутствие результатов поиска самописца.

Он выразительно дёрнул лицом в сторону Сергея, мол, так-то. Затем помолчал и добавил:

– А на другой день Мостового вызвали в большой кабинет на мягкий ковёр и передали много чего ещё. Включая попытку переложить ответственность за промахи в расследовании на структуры госбезопасности. – откинувшись на спинку, он подвёл черту, – Так что, помощи от спецслужб не будет. Выгрести придётся самим.

28. Ингрия

Высокая чугунная ограда, под девятнадцатый век, охватывала несколько гектаров бывшей дворянской усадьбы. Здания санаторного комплекса Ингрия были построены в том же стиле. За корпусами, после клумб, теннисных кортов и гольф-площадки, вздымался лесной массив векового дворянского парка, где скрывались замшелая ротонда и флигель, дожившие с имперских времён.

Сюда не забредали постояльцы. И только здесь, в мерном шорохе вековых лип, Эльку отпускала напряжённость. Она вспоминала что-нибудь приятное. Лес расслаблял и поддерживал её.

Сегодня случилось иначе. В запахе хвои и щебете синиц её внезапно окатил страх. В памяти всплыл закуток второго этажа главного корпуса с кабинетом заместителя главврача.

Когда она, поднимаясь на второй этаж, переступала незримую границу, ей сразу становилось не по себе. Тревога была необъяснима и беспочвенна, но омерзительно постоянна.

Элька поморщилась, вспомнив молодящегося хрыча в ядовитых очках тонкой оправы. Он походил на четырёхглазое улыбчивое насекомое, сканировавшее её насквозь. Хотя ничего подозрительного не виделось ни в разговоре, ни в лечении. Ничего подозрительного не выявлялось и в других кабинетах, и в беседах с постояльцами. Но Элька чувала – что-то здесь не так. И к этому «не так», ей было не подступиться. Неделя прошла впустую.

Под куполом ротонды она присела на край массивной скамьи. Достала малтфон, и едва не нажала кнопку, когда услышала слабый хруст дорожного щебня. Приложив аппарат к уху, она замерла.

Неспешной разбитной походкой, старательно поддерживая осанку, мимо колонн ротонды проплыл голливудский супермен (как окрестила его Элька).

Несколько урывистых неуверенных взглядов были брошены в её сторону незаметно и невзначай. Элька усмехнулась глазами. Два кратких пересёкшихся взгляда сообщили ей больше, чем получасовая беседа за чашкой кофе. В них читалось и пожирающее обожание, и робкая неуверенность, и непреодолимое желание произвести впечатление силы, благородства и надёжности. Как Элька определила последнее, было загадкой для неё самой.

– Да ладно! – громко ответила она в молчавшую трубку, – Светка? Эта тихоня? Ну молодец. Уважаю. Я была уверена, что она никогда на это не решится. ...А он что? ...Да? ...Ну надо же! ...А слушай, у него ведь сын ещё, ну от той, первой. ...Не понял. ...Сериал какой-то! ...Что это у тебя? ...Твой пришёл? Ну иди, иди, открывай. Вечерком ещё созвонимся.

Он удалялся по дорожке, слегка замедляясь, но все ещё был в зоне слышимости. На последней фразе остановился, и стал судорожно шарить в карманах. Элька с интересом наблюдала.

Ага, потерял, понятно. Сейчас вернётся и спросит.

Он покрутился, шагнул влево, вправо, и медленно пошёл назад, глядя под ноги. Поравнявшись с лавочкой, взглянул на Эльку.

– Добрый день. – послышался баритон с вельветовыми нотками.

– Здравствуйте. Потеряли что-нибудь?

– Да. Ключ. Похоже вывалился, когда я переключал телефон. – он приблизился к ступенькам ротонды, – Морока со старыми ключами. Везде электроника, а флигель, как исторический объект, запирается по старинке.

– У вас есть ключ от флигеля?

– Да, – он мягко улыбнулся и умильные ямочки прорезались на крупном волевом лице. В коротком взгляде, задержавшемся дольше, чем требовал момент, читалась не просто симпатия, а укрощённое обожание. – Вернее сказать – был. – Он продолжил напряжённый поиск.

Она не могла вспомнить, видела ли его раньше, но жизненный опыт подсказывал, что взгляд мужчины не мог наполниться столь глубоким содержанием при первой мимолётной встрече. Эти глаза видят её явно не в первые. И его поход сюда был не случаен.

– Вот же он!

Элька потянулась и увидела старый ключ на краю тропы, среди колотой гранитной крошки. *Когда подбросил? Я даже не услышала.*

– Ух... Думал потерял, – Он навис над скамейкой, протягивая Эльке раритет, побитый ржавыми точками. – Таких всего два. Мне он положен по должности. Я старший офицер службы безопасности... Выполняю функции начальника охраны этого комплекса.

Безопасности чего? – подумала Элька. Это слово будто оборвалось, не завершив фразу. Он отклонился левее, указав на край лавочки, – Вы позволите?

Элька не ответила, лишь хитро прищурилась. Он неуверенно присел. Она сдвинулась в противоположную сторону и развернулась к нему вполборота, закинув ногу на ногу.

– Офицер? А я не знала, что санаторий охраняет полиция.

– Нет, что Вы. У нас свои структуры. Офицер у нас не звание, а должность.

– О-о!? Как интересно. И от кого вы нас охраняете?

– Мы обеспечиваем безопасность санатория. Здесь бывают достаточно высокие персоны, в том числе и международного уровня.

– Какая ответственная служба у начальника охраны.

– Более чем. Приходится жить здесь постоянно.

– Постоянно? А как же ваша семья? Они тоже живут здесь?

– Я не женат.

– Простите.

– А *вы* замужем?

– Интересный вопрос, если учесть, что я не знаю даже вашего имени.

– Артур, – он протянул руку и едва заметно покраснел.

– Элина, – она положила руку в его большую ладонь после некоторой паузы. Он видимо раздумывал, что будет уместнее: пожать, поцеловать или просто отпустить. Немного помешкав, решил пожать.

– И всё же? – Он покраснел более прежнего.

– In progress.

– В процессе? Это как? – В его взгляде читалось недоумение.

– Вернее сказать, в поиске.

Он широко, и как-то неуместно улыбнулся. Улыбка держалась неестественно долго.

И Элька поняла, что после стольких дней бесплодных усилий, в её туннеле забрезжил огонёк.

29. Двуглавый орёл

К концу третьего часа народ заметно утомился. Солнечный луч напоз на глянцевую папку, и в отброшенном свете блеснул золотом двуглавый орёл на красном геральдическом щите. Его размытый блик лёг на лысый генеральский череп.

Совещание в кабинете Мостового проводилось второй раз, но в таком составе – впервые. Кроме Можайского, группы Ерохина и майора Лотарёва, присутствовала старший лейтенант Зорина из российского отделения Интерпола.

Она, проведя перекрёстный опрос сотрудников, не оставила камня на камне от доводов для запроса по линии Интерпола о задержании и экстрадиции руководства санатория Чайка.

Присутствовали ещё двое, стильностью галстуков и элегантностью костюмов походившие на депутатов: майор Закураев и капитан Вершинин, чьи должности и ведомственная принадлежность не озвучивались.

А ведь как хорошо началось совещание. Генерал поздравил группу с расследованием сложного убийства (из застарелых висяков), что проводилось в фоновом режиме. Для приглашённых данная церемония не имела значения, но Мостовой сознательно делал на этом упор, подчёркивая, что группа справилась с этим в недельный срок. Майор Закураев при этом отстранённо рассматривал раритетный генеральский глобус.

Затем, после общего доклада Ерохина был заслушан майор Лотарев. Его подразделение занималось прослушкой солнцепоклонников и их электронной почтой. Выявлены и опрошены новые лица, но оснований для корректировки выводов отчёта не найдено. Было доложено о взаимодействии с аналогичными подразделениями в других городах России, а также коллегами из других стран. Выяснилось, что почитатели Атона в последнее десятилетие появились во многих странах. При полном отсутствии конфликтов с законом.

– Но в Петербурге солнцепоклонников выявлено значительно больше, чем в любом другом городе, включая Москву. Причины этого нам пока неизвестны. – Майор замолк, напряжённо задумавшись, видимо собираясь с мыслями. Генерал повернул голову.

– У вас всё?

Бросив взгляд на генерала, Лотарёв неуверенно добавил, – Я бы мог озвучить дополнительную информацию для размышления.

Поймав едва заметный кивок, он продолжил.

– Буквально вчера выявлен англоязычный ресурс, где изложена идеология последователей Атона. Впервые сообщество названо церковью. Церковью первопричины. Подробности – в моём новом отчёте. Кратко скажу, что авторами произведены исторические исследования. Детально рассматривается личность пророка Моисея и его связь с фараоном Эхнатомом. Версия о том, что Моисей воспитывался при дворе фараона и мог быть его учеником, мусолится уже более ста лет. Большое внимание уделено исторической работе Зигмунда Фрейда, развивавшего идею о происхождении иудаизма от религии Эхнатона. Также развивается утверждение, что христианская троица, рождённая в результате богословских баталий, является отражением троицы Атона, введённой за тринадцать столетий до нашей эры.

– Не понимаю! – раздражённо вклинулся Мостовой, – Насколько мне известно, Атон – это солнце. А эти ему поклоняются. При чём здесь троица? – на генеральском лице читалось сожаление, что он позволил майору нести эту галиматью в присутствии посторонних.

– Дело в том, что у Египтян практиковалось множество воплощений одного явления. Солнце, именуемое также Атоном, было видимым проявлением бога Атона – единого и объявленного единственным. Его сущность включала в себя трёх богов, связанных с культом солнца: Верховный бог-создатель Ра, бог-сокол Хорахти, и божество Шу, воплощающее пространство.

Таким образом, в Атоне они видят прообраз христианской троицы. А солнечный диск – Атон, является зримым проявлением первичной троицы.

Генерал сверлил майора глазами.

– Зачем нам всё это? Что это даёт? – спросил он резко и с явной неприязнью в голосе.

Лотарёв вздохнул. – Видимо, ничего. Извиняюсь, что отнял время. Просто это пока единственное обоснование идеологии солнцепоклонников.

– Простите, – вежливо, на грани издёвки, вступил Вершинин, – Насколько мне известно, мифология, даже очень выверенная, не привлекает сектантов. Секты зарождаются вокруг харизматичного лидера, предрекающего масштабное событие – катастрофу, конец света, приход мессии. Я прав?

– Абсолютно, – Лотарёв подтвердил гусарским кивком.

– И-и? – протянул Вершинин.

– Не обнаружено, – Лотарёв мотнул хвостом, так раздражающим генерала, и продолжил, – Поэтому я склонен считать, что мы можем иметь дело с нерелигиозной организацией. – Он вновь кивнул, как отыгравший скрипач. – Мне нечего больше добавить.

Результирующий доклад Можайского завершился призывами к расширению и углублению оперативно-розыскных мероприятий.

Когда, подводя итог, Мостовой объявил о решении больше не устанавливать плановые сроки завершения дел, его взгляд пересёкся с ястребиным взором майора Закураева, не проронившего за всё время ни единого слова.

– Однако, если до конца июля оба дела не будут раскрыты, группа будет расформирована, – гляделка продолжилась до последних слов генеральской речи.

Из кабинета Ерохин выходил предпоследним. За ним должен был выйти Закураев.

Услышав характерный щелчок, Сергей обернулся.

Твидовый пиджак майора висел на спинке. А сам он, развалившись в кресле, хищно и нагло втягивал огонёк зажигалки краснеющим кончиком сигареты. У генерала не водилось пепельницы. Он спокойно и неприязненно оглядывал майора, который, казалось, вот-вот закинет ноги на стол. Оба сидели боком к Ерохину. Орлиный профиль Закураева притянул взор. И Ерохин заметил странность.

Возраст майора, которого Ерохин, сидя с той же стороны, не разглядел, казался близким к генеральскому. А тому было пятьдесят шесть.

Всё длилось не более секунды, и Ерохин поспешил скрыться за створкой двери. На ходу он услышал голос майора.

– Ну что, Мостовой, сказочками развлекаешься?

В коридоре он столкнулся со стоявшим у двери Вершининым. Тот проводил Ерохина испытующим взглядом.

30. Надёжный источник

– Слушай внимательно: это секта. Либо что-то подобное. Мощная, скрытая, со своими структурами, включая безопасность, – трубка рапортовала тихо, чётко, с придыханием отделяя фразы.

– Откуда информация? Ты ведь говорила, что никаких перспектив.

Сергей уже так с этим свыкся, что считал Эльку скорее отдыхающей, чем агентом. И это его устраивало. Поэтому, её слова он воспринял, как выдачу желаемого за действительное.

– У меня появился источник. Неожиданный, но надёжный. Ты слушай. Есть у этой секты некая книга, важная и значимая.

– Священная книга тайн? – устало зевнул Сергей, – С волшебными заклинаниями, горящими знаками и чудотворными молитвами? – в голосе слышалась ирония, – Ты какой фильм вчера смотрела на ночь?

– Не смейся! – обиженно вякнула Элька, – Похоже, книга обычная, историческая, но сугубо для внутреннего пользования. И даже не для рядовых членов, а скорее для идеологов. Автор – известный московский профессор, Дмитрий Виленский. Похоже, что он один из адептов секты.

Сергея передёрнуло. Кто-то явно водит её за нос. Не исключён подкат.

Элька перевела дыхание, – В книге приводятся исторические факты и объясняется причина, по которой деятельность разворачивается в Петербурге и вокруг него, и именно в это время. Не случайно ни место, ни время. Вскоре здесь должны произойти какие-то события.

В висках застучало. Всплыли слова Лотарёва о Петербурге. Страх за Эльку и рой противоречивых подозрений обволакивали Сергея.

Она продолжила уверенным голосом, – Мне пообещали достать экземпляр. И я найду способ переправить её тебе.

– А что представляет собой твой источник?

– Слушай, какая разница, главное, что он появился. Я ориентируюсь на месте и не могу всего передать по телефону. Придётся доверять.

– Это мужик?

Блин. Ну ищайка.

Она невозмутимо продолжила, – Нет, женщина. Молодая. Она соблазнила меня, и теперь мы живём с ней в одном номере. Очень надёжный источник.

– Чего ты мелешь? Я тебя серьёзно спрашиваю.

Сергей не думал, что интонацией тихого голоса можно передать такой спектр горечи, обиды и укора, – Ты мне не доверяешь? ... Я что девочка, или озабоченная?

– Я это... Ты извини. Я такого не сказал. Ты сама это придумала. Я только хотел убедиться в надёжности источника и твоей безопасности.

– И как ты это себе представляешь? Давай закончим об этом. Всё, точка. В людях я тоже неплохо разбираюсь. И ещё, дополнительная информация для некоторых: у меня обострились застарелые проблемы гинекологии, что я здесь и лечу. Это позволит мне задержаться и служит надёжным щитом от притязаний возможных воздыхателей. Так что, спи спокойно.

Сергей молчал. Ему больше не хотелось говорить. В голове проскакивали туманные, греющие душу картинки, где взвод ОМОН охватывает злосчастный санаторий по периметру.

Тут послышался её голос, совсем другой, милый и любящий, с нотками бездонной грусти.

– Серёженька, я давно хотела тебе сказать: Да!

– Что – да? – растерянно пробормотал Сергей.

– Да – значит согласна. Я согласна стать твоей женой.

Тут его горькие мысли стали петлять и путаться.

Подождав, Элька продолжила с новым напором, – Да, Сережа, согласна. Но... только после того, как всё это закончится... А если ты мне не доверяешь...

– Нет, Эль, прости. Я очень боюсь за тебя. Помни: если с тобой что-то случится, то это же случится ещё с одним человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.